XX 515/13

2
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

АРХИТЕКТУРА СССР

1
1954

О типовых проектах домов для Средней Азии и Казахстана

Архитектор М. ГЕОРГИЕВСКИЙ

До советской власти города Средней Азии и Казахстана, не имея элементарного благоустройства, отличались от окрестных кишлаков главным образом только количеством населения да наличием в некоторых из них кварталов «новых городов», в которых размещались чиновники, военные, крупные торговцы.

Великая Октябрьская социалистическая революция вызвала к жизни несметные естественные богатства Средней Азии и Казахстана. В районах богатейших месторождений железа и цветных металлов, угля и нефти построены десятки городов с гигантскими промышленными предприятиями. Массовое жилищное строительство, которое проводится в этих городах по плану пятой пятилетки, может быть осуществлено успешно только при условии широкого применения типовых проектов.

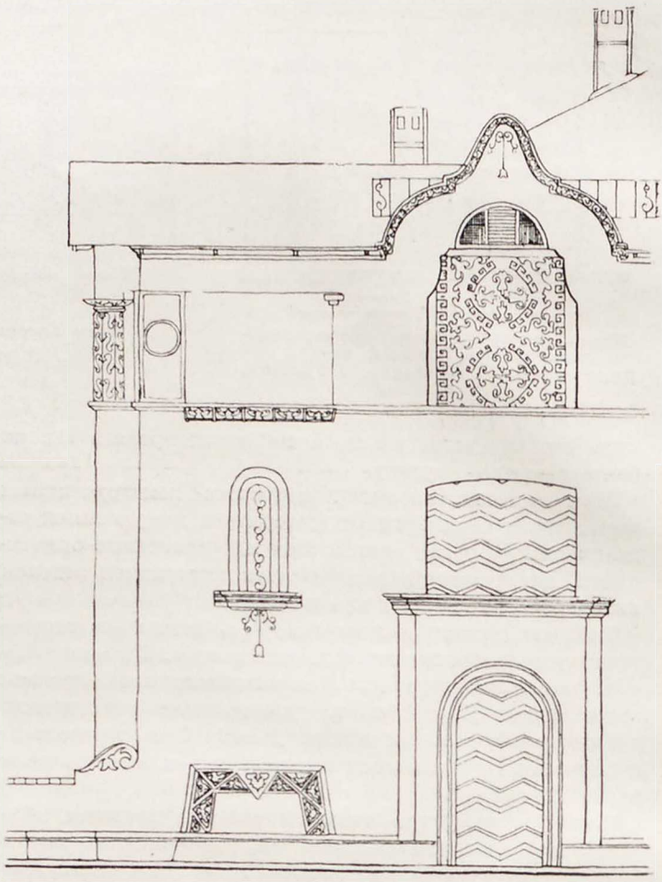
Уже с первых этапов развития массового строительства в городах Средней Азии делаются попытки разработки типовых проектов, в той или иной мере учитывающих местные климатические и бытовые условия. Осуществленное еще в 1927—1930 гг. большое жилищное строительство в районе новых ирригационных систем проводилось по нескольким проектам многоквартирных одноэтажных домов, разработанных конторой Хлопкострой. Эти проекты довольно широко применялись в течение ряда лет в городах Узбекской ССР.

В 1939 г. несколько проектов одноэтажных жилых домов выпустил Узпланпроект. В то время арх. С. Кутин и инж. Н. Цитович разработали серию секций многоэтажных жилых домов. Правда, планы этих секций имели существенные недостатки (узкие лестницы, отсутствие сквозного проветривания, непроработанность летних помещений), но начало типизации было положено.

Во время Великой Отечественной войны инж. В. Озеров (Узгоспроект) сделал попытку создать серию проектов жилых секций без применения деревянных конструкций и с использованием сводов «Узбекистан».

С первых послевоенных лет как местными, так и центральными проектными организациями начала проводиться работа по созданию новых типовых проектов жилых домов для Средней Азии и Казахстана. Методологической основой этого проектирования служил возникший в то время серийный метод типового проектирования.

На первых порах в типовом проектировании жилых зданий был допущен ряд серьезных ошибок. Недостаточно учитывались традиционные особенности быта населения и те коренные изменения, которые внесла в этот быт социалистическая действительность. Не глубоко были учтены в проектах условия резко континентального климата Средней Азии. В строительство часто механически переносились планировочные и архитектурные приемы, сложившиеся в центральных районах СССР, иногда совершенно не пригодные для среднеазиатских условий.

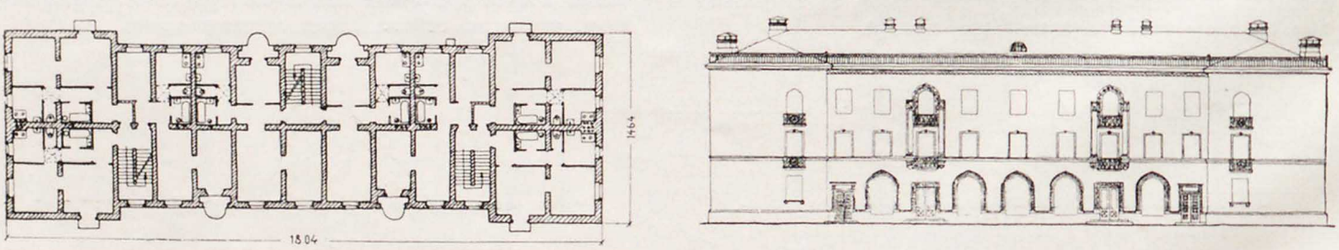


Фрагмент фасада трехэтажного жилого дома. Эскиз. Архитектор А. Альбанский. Киргоспроект

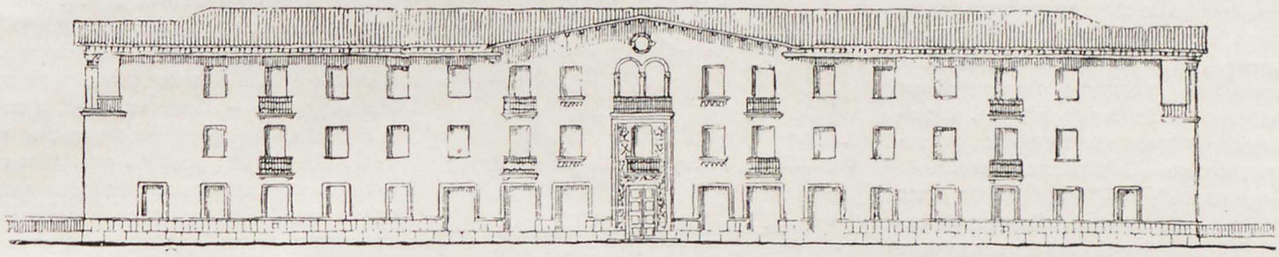
Наиболее удачной из первых опытов типового проектирования среднеазиатского жилища оказалась разработанная Узгоспроектом (арх. И. Рачинская, инж. В. Озеров) в 1947—1948 гг. серия 210 типовых проектов жилых двухэтажных домов, состоявшая из четырех проектов жилых домов на 6, 12, 16 и 18 квартир и проекта общежития на 100 человек.

Эта серия, как и разработанные позднее Узгоспроектом серии 264 и 264-а, получила за последние 5 лет в Средней Азии широкое распространение. Простая, четкая планировка, хорошо найденные решения, соответствующие климатическим и геологическим условиям Узбекистана, являются достоинствами этих серий.

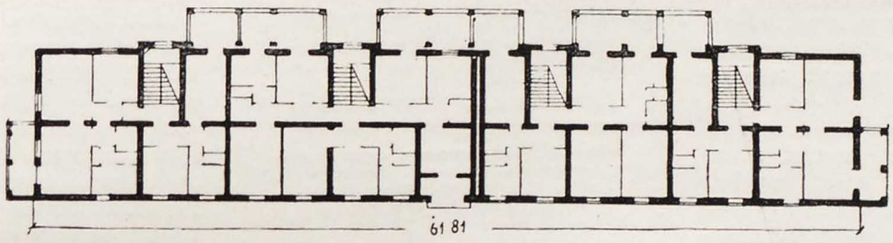
В практике строительства, однако, выявились и крупные недостатки серий 210 и 264. Основными недостат-



Эскизный проект 20-квартирного жилого дома серии 261. Главный фасад и план типового этажа. Казгосстройпроект. Архитектор А. Леппик



Эскизный проект четырехсекционного 24-квартирного жилого дома с магазином. Главный фасад.
Автор архитектор В. Архангельский. Узгоспроект



План 2—3 этажа

ками их являются следующие: 1) малое количество проектов в сериях, снижающее их градостроительную маневренность; 2) поселковый характер архитектуры домов и одновременно излишняя их капитальность; 3) неудачное и дорогое решение лоджий (они малы по площади и обращены в сторону уличного фасада, что ограничивает возможность их использования, при этом лоджии затемняют комнаты); 4) неудачная планировка торцовых и угловых секций; 5) завышенная площадь кухонь в некоторых квартирах; 6) отсутствие ванн в ряде квартир, широкое применение совмещенных и неспаренных санитарных узлов; 7) неудовлетворительное решение водоотводов и излишняя сложность кровельных покрытий.

Большие нарекания вызывают недостаточно высокий уровень и однообразие архитектурного решения домов, некоторая эклектичность их композиции, выражающаяся в применении наряду с декором, характерным для узбекского народного жилища, деталей, заимствованных из монументального культового зодчества.

В целом недостатки этих серий были настолько серьезными, что простым исправлением проектов устранить их было невозможно. Поэтому решено было на основе изучения опыта строительства по проектам серий 210 и 264 начать разработку новой серии типовых проектов жилых домов для Средней Азии и Южного Казахстана.

В настоящее время в Узгоспроекте заканчивается разработка проектного задания новой серии. В отличие от серий 210 и 264 в состав этой серии включены, кроме двухэтажных, трехэтажные дома. Серия намечена в количестве 22 проектов жилых домов (9 трехэтажных и 13 двухэтажных), а также 3 проектов общежитий: двухэтажного на 100 человек и трехэтажных на 186 и 200 человек.

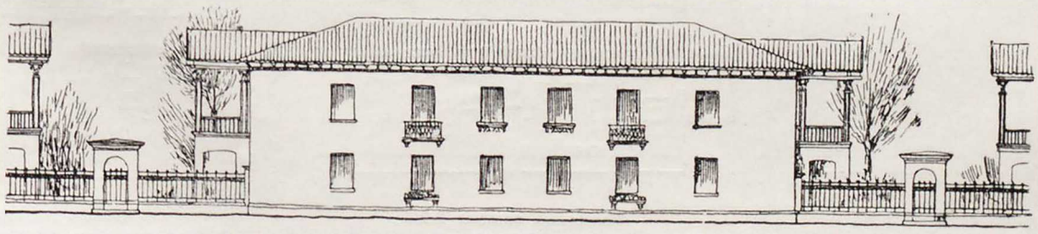
Основная масса квартир, включенных в новую серию проектов (60%), — двухкомнатные, 30% — трехкомнатные. Квартиры будут иметь сквозное или угловое проветривание. Большинство летних помещений запроектировано в виде больших приставных террас, выходящих во двор.

Архитектурное решение серии первоначально было намечено в двух вариантах. Один из них был разработан арх. В. Архангельским для застройки магистральных и главных улиц городов, второй — более простой (арх. В. Войцеховский) — для строительства на жилых улицах и внутри кварталов. Оба эти варианта послужили основой для окончательного варианта, разрабатываемого под руководством арх. И. Мерпорта.

В отличие от серий 210 и 264, конструктивная особенность которых заключается в применении поперечных стен, схема плана новой серии проектов основана на применении средней продольной стены, что на 15—20% снизит расход стеновых материалов.

В проектах серии приняты два варианта перекрытий — деревянные балочные и железобетонные из крупных панелей. Конструктивное решение увязано с типоразмерами недавно утвержденного для строительства в РСФСР каталога индустриальных строительных изделий для двух-пятиэтажных каменных жилых домов, при этом тщательно учтены геологические особенности района предполагаемой застройки.

Проектирование новой серии еще не закончено, но уже и на настоящем этапе ее разработки выявился наряду с положительными ряд отрицательных сторон проектов. В планировке домов серии все еще недостаточно учитываются особенности климата и быта Средней Азии: повидимому, характерные для центральной полосы СССР планировочные решения слишком связывают творческую мысль авторов. Нужно еще много ра-

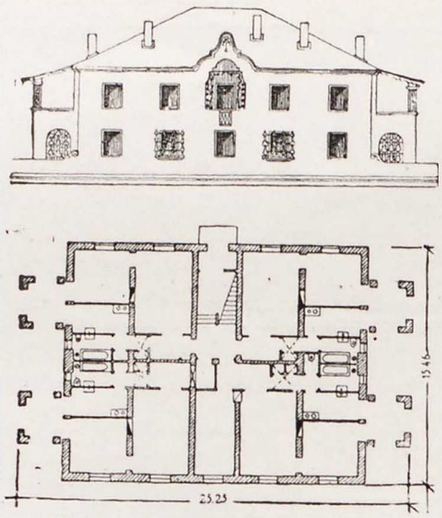


Эскизный проект двухсекционного 8-квартирного жилого дома. Главный фасад.
Автор — архитектор В. Войцеховский. Узгоспроект

ботать над планировкой летних помещений: в части запроектированных квартир связь их с основными помещениями квартиры недостаточно продумана и не везде удобна. В некоторых квартирах террасы соединены только с одной из комнат.

Большая работа предстоит еще над архитектурной композицией фасадов домов. Ошибочное стремление авторов использовать только один тип окна во всей серии привело к монотонности, особенно заметной в протяженных по фасаду домах; архитектурные варианты проектов мало увязаны между собой в пределах единой серии по стилевой характеристике.

Для замены серии 264-А, применяемой в настоящее время в застройке Ашхабада, Ашхабадпроект (архитекторы Высоцкий и Березин) начал разработку новой серии типовых проектов двухэтажных домов. По своему характеру серия эта будет близкой к серии, разрабатываемой Узгоспроектом, и таким образом при некотором изменении фасадов домов ее можно будет использовать в тех районах Узбекской ССР, которые имеют такие же геологические условия, что и район Ашхабада. Наоборот, в некоторых районах Туркменской ССР может быть использована с некоторой переработкой серия проектов Узгоспроекта. В настоящее время разработка Ашхабадпроектом новой серии находится еще в начальной стадии.



Проект двухэтажного кирпичного 8-квартирного жилого дома. Фасад и план 1-го этажа. Киргоспроект. Архитектор А. Альбанский

Архитекторы Казахстана в этом году разработали новую серию типовых проектов жилых домов для южных районов республики.

В серию 261 входят 10 проектов: 3 проекта двухэтажных жилых домов, 5 проектов трехэтажных домов и 2 проекта двухэтажных общежитий. Квартиры в домах двух- и трехкомнатные, причем количество двухкомнатных квартир в серии 67%, трехкомнатных – 33%.

Архитекторы Казахстана в последние годы настойчиво работают над проблемой национальной формы в архитектуре жилища. Эта творческая задача значительно осложняется тем, что казахи еще в недавнем прошлом были народом полукочевым, и основным типом их жилья была юрта. Национальный казахский декор в основном решался в своеобразной фактуре войлока и тканей. Освоение и творческая переработка этого декора и его перевод в другие материалы (камень или штукатурка) представляют поэтому значительные трудности.

Автор серии типовых проектов жилых домов для южных районов Казахстана архитектор Казгосстройпроекта А. Лепшик внес удачное предложение – использовать вставные детали казахского орнамента, отлитые из гипса или бетона. Однако степень насыщенности фасадов декором в этой серии вызывает сомнение. Вероятно, более тактичное и скупое применение орнаментики было бы более уместным.

По другому пути при разработке национальной формы пошел автор заканчивающейся разработкой серии типовых трехэтажных жилых домов для Киргизской ССР арх. А. Альбанский. В серию включено всего четыре проекта: два проекта двухэтажных домов квартирного типа (односекционного на 8 квартир и двухсекционного на 12 квартир), проект двухэтажного общежития на 77 человек и проект углового трехэтажного дома на 7 квартир с магазином.

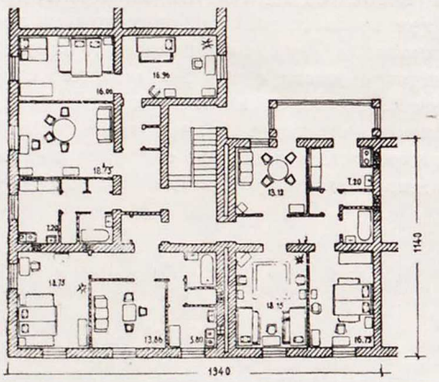
Автор проектов решает задачу национальной формы в современном жилом доме не только путем применения вставных элементов национального орнамента, как это делается в Казахской ССР. Своеобразные фронтоны, напоминающие по форме киргизский головной убор; использование национального орнамента в рисунке решеток для окон нижнего этажа, необходимых при ночном сквозном проветривании, а также для лоджий, придают жилым домам своеобразный, оригинальный и запоминающийся характер. Однако над этим сложным архитектурным решением следует еще немало поработать: фронтоны слишком тяжелы для небольшого здания, фасад получается излишне грузным.

Вызывает сомнение примененный автором прием устройства веранд в торцах домов. Это значительно усложнит планировку квартала, приведет к удлинению, а следовательно, и удорожанию инженерных коммуникаций, так как разрывы между домами придется увеличивать. Разорванная «пунктирная» расстановка домов, кроме того, придаст застройке нежелательный поселковый характер, затруднит формирование ансамблей магистральных улиц.

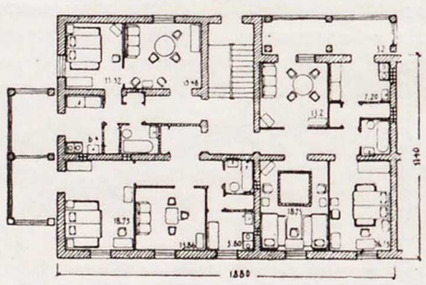
Номенклатура серии явно недостаточна, особенно заметно отсутствие проектов двухэтажных домов для угловой застройки.

Недопустимо отстают с типовым проектированием жилых зданий архитекторы Таджикистана. Республиканская проектная контора Таджикской ССР в течение

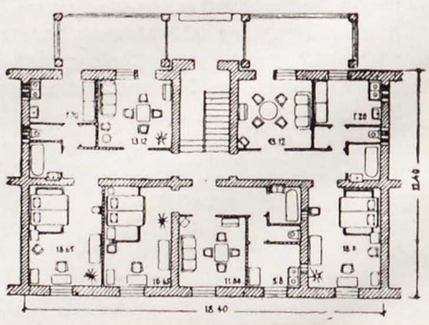
Типовые секции 2—3-этажных домов. Узгоспроект



Угловая секция 3-2-3
Жилая площадь 132,94 м²
Полезная площадь 200,98 м²
Строительный объем 1 021,8 м³



Торцовая секция 2-2-3
Жилая площадь 108,23 м²
Полезная площадь 168,99 м²
Строительный объем 862,56 м³



Рядовая секция 2-2-2
Жилая площадь 91,42 м²
Полезная площадь 150,16 м²
Строительный объем 748,5 м³

ряда лет не может провести сравнительно несложную работу по приспособлению узбекских проектов для своих условий.

Большая работа по созданию типовых проектов жилых зданий для Средней Азии и Казахстана еще далека от завершения. В ней еще много спорных, а в отдельных случаях и неудачных предложений. Однако уже и теперь можно видеть всю сложность задач по разработке этой совершенно новой, почти совсем не исследованной темы.

Целым рядом вопросов одновременно с проектными организациями должны заняться и научно-исследовательские институты Академии архитектуры СССР и академий наук союзных республик. Научные работники этих организаций еще недостаточно включились в дело типового проектирования, и поэтому в разрабатываемых проектах для Средней Азии и Казахстана все еще проскальзывает механическое копирование решений, уместных в других климатических условиях, но никак не соответствующих районам, для которых эти проекты предназначены.

Вопросы конфигурации зданий, их освещенности и ориентации, защиты жилищ от действия холодных и горячих ветров, теплоустойчивости стен и чердачных перекрытий, а также вопросы сквозного и углового проветривания, увеличения полезного объема помещений путем повышения высоты, окраски фасадов — все это решается в настоящее время проектировщиками в значительной мере без научного обоснования, почти исключительно на основе личных вкусов авторов проектов и установившихся приемов, зачастую весьма спорных.

Научные архитектурно-строительные организации Средней Азии и Казахстана должны предусмотреть в своих планах всестороннюю разработку перечисленных проблем, с тем чтобы дать проектировщикам теоретическую основу типового проектирования жилых домов для этих районов.

Новые типовые проекты жилых домов для Латвийской ССР

Архитектор В. РАММАН

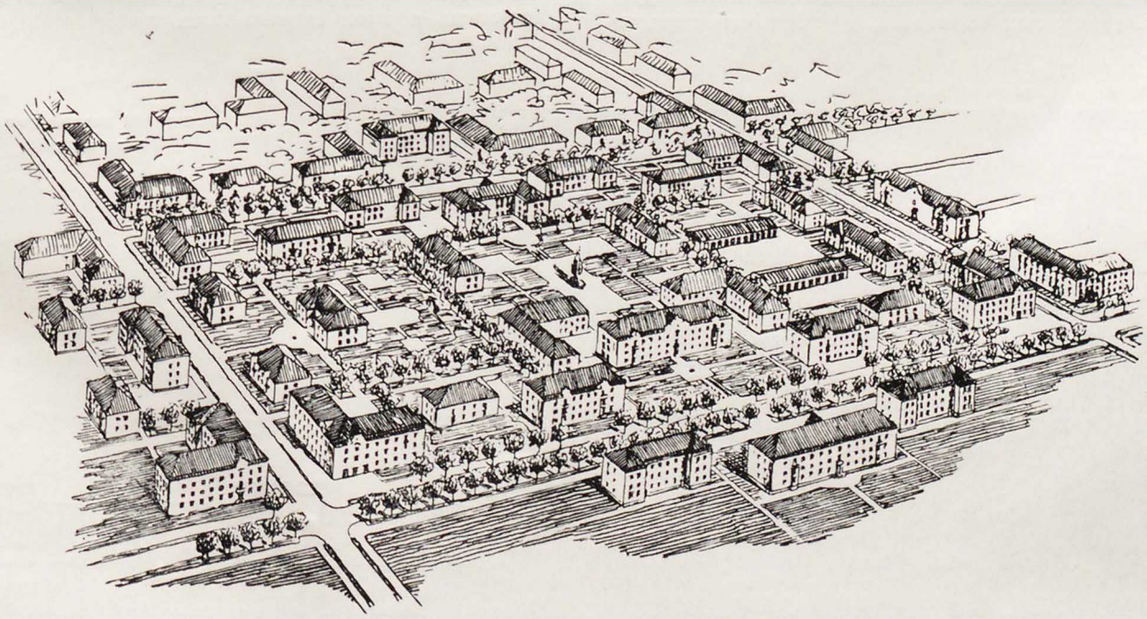
Республиканский проектный институт Латвийской ССР разработал и подготовляет к выпуску серию типовых проектов двух-трехэтажных жилых домов для строительства в Латвийской ССР.

Применявшиеся до последнего времени в республике типовые проекты значительно устарели. В них есть много недостатков как в архитектурно-планировочных, так и в конструктивных решениях. Эти проекты не отвечают возросшим градостроительным требованиям, не способствуют улучшению и удешевлению массового жилищного строительства.

По сравнению с прошлыми проектами состав серии проектов значительно расширен в целях создания более интересной ансамблевой застройки улиц и кварталов, а также создания необходимой предпосылки для производства строительных работ индустриальными методами.

Серия состоит из 13 типов домов. Сейчас подготовляются к выпуску 9 типовых проектов следующих домов серии 286:

двухэтажный 8-квартирный дом, проект № 1
двухэтажный 12-квартирный дом, проект № 2
двухэтажный 18-квартирный (угловой) дом, проект № 3
трехэтажный 26-квартирный дом, проект № 4
трехэтажный 18-квартирный дом, проект № 5
трехэтажный 18-квартирный дом, проект № 6
трехэтажный 27-квартирный дом, проект № 7



Перспектива застройки квартала типовыми домами серии 286

XX 515/13

2
Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА
СССР
имени
В. И. ЛЕНИНА

АРХИТЕКТУРА СССР

6
1954

Строительство в Ташкенте

Архитектор М. ГЕОРГИЕВСКИЙ

Памятник Алишеру Навои на улице Навои. Скульптор Л. Дитрих.
На втором плане — жилой дом, построенный по проекту архитектора В. Якушева

В дореволюционный период развитие Ташкента шло по двум резко противоположным направлениям.

К западу от арыка Боз-Су на территории около 2 500 га медленно, по установившимся веками феодальным традициям, жил и строился старый город с трехсоттысячным населением.

Старую часть Ташкента характеризуют узкие, кривые запыленные улички и тупики, застроенные одноэтажными каркасными домиками, скудная зелень, отсутствие элементарного благоустройства.

К востоку от старого города территорию более 4 000 га занимает новый город. Город этот начал застраиваться по разработанному в 1870—1875 годах плану, предусматривающему радиально-кольцевую систему широких (40—50 м) улиц, обсаженных тополями.

Основной задачей реконструкции Ташкента при советской власти была ликвидация уродливой противоположности двух исторически сложившихся частей города.

До Великой Отечественной войны в Ташкенте был построен ряд крупнейших новых жилых районов, хорошо озелененных и обеспеченных основными видами коммунального благоустройства.

Была разработана единая архитектурно-градостроительная схема обеих частей Ташкента, наметившая их органическую увязку в целостный планировочный организм. Район хаотической застройки старого города прорезали новые улицы Шота Руставели, Кагановича и 2,5-километровая прямая и широкая (60 м) асфальтированная магистраль — улица Навои, заменившая узкую, кривую и плохо замощенную главную улицу старой части дореволюционного Ташкента — Шейхантаурскую. На месте грязного и пыльного Воскресенского базара выросло чудесное творение академика А. В. Щусева — здание Государственного театра оперы и балета имени Навои.

Площадь асфальтовых покрытий улиц и тротуаров достигает сейчас 1,2 млн. м², в то время как в дореволюционном Ташкенте асфальтированных улиц не было вообще.

Значительно увеличилось озеленение на улицах, созданы новые парки — имени И. В. Сталина и парк Победы. Сейчас в Ташкенте на каждого жителя приходится 16 м² озелененной площади.

Передовая русская градостроительная культура, творчески развитая советскими архитекторами Узбекистана, оказала огромное влияние на строительство Ташкента.

Главнейшей из работ по реконструкции Ташкента является создание улицы Навои. На этой улице построен ряд крупных общественных и жилых зданий: кинотеатр «Родина» (авторы — архитекторы А. Сидоров и Н. Тимофеев), здание облисполкома с входящим в его объем помещением театра имени Мукими (авторы — архитекторы С. Полупанов, А. Сидоров, В. Архангельский), здания Министерства сельского хозяйства Узбекской ССР (архитектор М. Булатов), Центрального телеграфа (архитектор Н. Брюханов), управления Чирчикстроя (архитектор В. Архангельский).

Реконструкция улицы Навои еще не завершена. На северной стороне ее строится крупное здание газетно-журнального комбината (архитекторы А. Сидоров и А. Якушев). На магистрали создается большой парковый участок с водным бассейном. По проекту архитектора В. Якушева строится крупный квартирный жилой дом на площади Облисполкома.

На протяжении строительства проект застройки улицы Навои неоднократно переделывался. Многократное изменение проекта застройки крайне неблагоприятно отразилось на архитектурном качестве новой магистрали, так как основные принципы застройки и прежде всего этажность зданий, не отвечающая запроектированной ширине улицы, с самого начала строительства были определены в 1940 г. (Мособлпроектом) неправильно.

Различная этажность (от 2 до 5 этажей), зданий, отсутствие четких красных линий, пестрота, дробность и разорванность застройки не создают от улицы Навои впечатления продуманного, художественно цельного архитектурного ансамбля.

Архитекторами Ташкента упущена исключительно благоприятная возможность создать крупную столичную магистраль. Вместо единого ансамбля улицы в настоящее время можно говорить лишь о трех отдельных ансамблевых узлах.

Первой из попыток создать ансамбль была сделана архитектором А. Сидоровым. Однако архитектурный облик расположенных рядом зданий кинотеатра, управления Средазугля и Горного техникума вряд ли можно признать удачным. Бутафорский характер декора в псевдонациональных эклектических формах, перенасыщенность деталями, чрезмерно преувеличенные парапеты, недостаточно выисканные пропорции, разномасштабность — все это является крупными недостатками названной группы зданий. В дальнейшем, вероятно, потребуется серьезная доработка их архитектуры.

Ведущим зданием второго ансамбля магистрали является здание облисполкома. В ходе строительства назначение этого здания неоднократно менялось с переработкой проекта. Полностью строительство здания не завершено и до настоящего времени. Схематичность, эклектизм и сухость деталей, измельченность форм и объемов значительно ухудшают архитектуру и этого крупного объекта.

На площади Облисполкома заканчивается строительство трехэтажного жилого здания с угловой башней, завершенной открытой колоннадой. Удачный в целом, этот жилой дом ни по своей этажности, ни по архитектуре не соответствует ансамблю магистрали.

Крайне неудачно, по нашему мнению, в сквере перед зданием облисполкома помещен памятник Алишеру Навои (скульптор Л. Дитрих, архитектор В. Волчок). Интересный по замыслу и хорошо выполненный в деталях, памятник не отвечает по масштабу размерам площади и крупному зданию облисполкома. Он теряется в гуще высокорастущих деревьев сквера. Следует отметить, что этот недостаток присущ и некоторым другим монументальным скульптурам Ташкента, в частности памятнику Гоголя.

Жилые дома на набережной канала Анхор

Наиболее удачен третий частный ансамбль улицы Навои, создающийся в ее начале, у канала Анхор. Ведущее здание этого ансамбля — дом Министерства сельского хозяйства Узбекской ССР (автор — архитектор М. Булатов). Основная тема трехэтажного здания Министерства — высокий портик с шестью гранеными колоннами, с веерообразными капителями. Здание завершается оригинальным легким, но сильно развитым карнизом. Выполнявший карниз народный мастер Узбекской ССР лауреат Сталинской премии Уста Ширин Мурадов использовал для разработки деталей карниза традиционный национальный мотив «Шерефа». Общий характер архитектуры с зданием Министерства имеют и возведенные рядом с ним жилые дома.

Руководящим архитектурным органам Узбекской ССР и архитекторам Ташкента предстоит большая творческая работа как по окончанию застройки улицы Навои, так и по значительной переработке архитектуры фасадов уже возведенных на ней зданий.

В начале улицы Навои находится одно из красивейших мест Ташкента — построенная в последние годы набережная мощного арыка Анхор. На набережной по проектам архитекторов А. Павлова, М. Булатова и Л. Караша возведен ряд хороших по архитектуре жилых домов, имеющих общий характер композиции и вместе с тем индивидуальные для каждого дома архитектурные детали.

Хорошо найдены на фасадах места лоджий, удачны карнизы и местные повышения на углах.

В общем характере ансамбля выполнено и расположенное на набережной кафе «Анхор» (архитектор В. Дмитриев), хотя в отдельных частях этого здания имеется наряду с грубоватостью деталей некоторая претенциозность общей композиции.

При проектировании жилых домов улицы Навои перед архитекто-

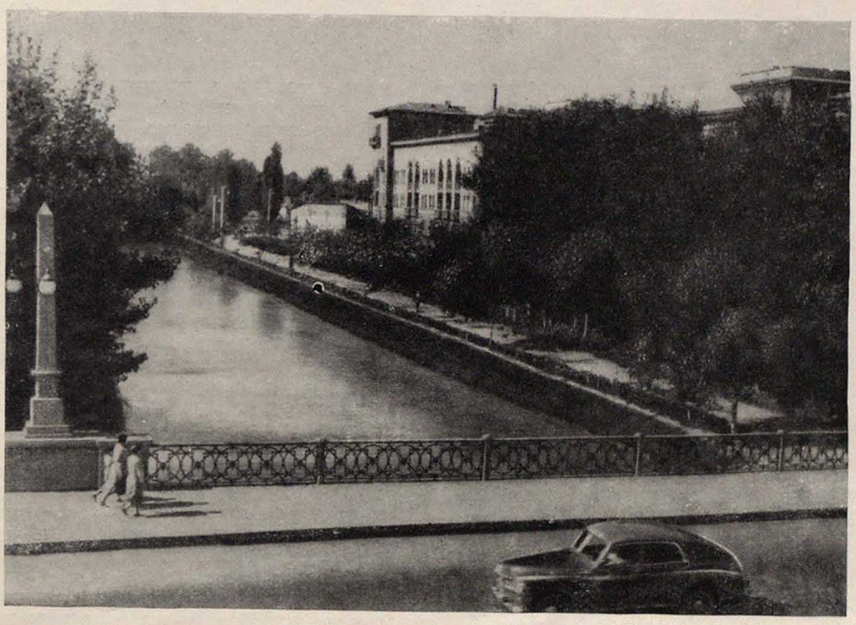
12-квартирный жилой дом. Фрагмент. Авторы — архитектор И. Рачинская и инженер В. Озеров

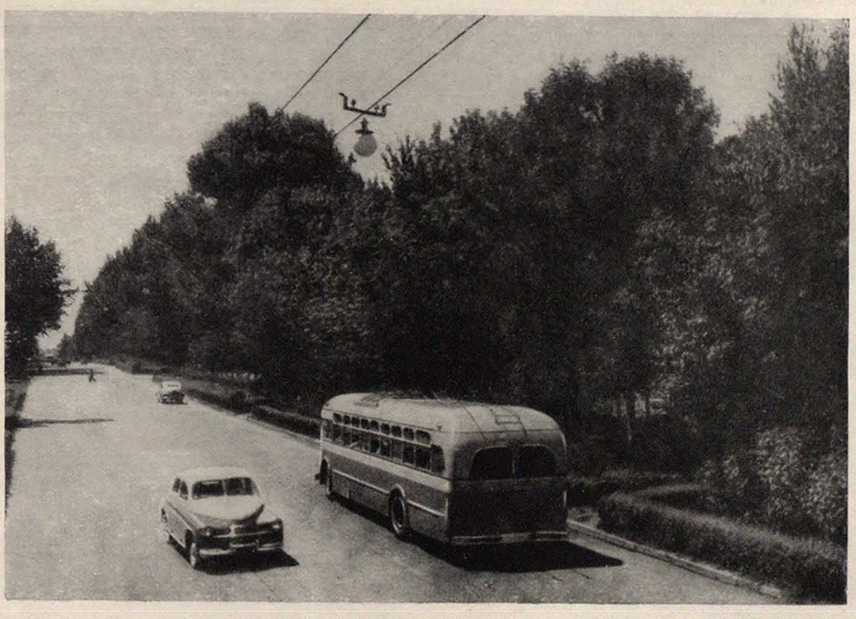
Жилой дом Управления Ташкентской железной дороги. Архитектор И. Мерпорт

Здание Государственного академического театра оперы и балета имени Навои. Боковой фасад.
Академик архитектуры А. Щусев

Канал Анхор

Перспектива улицы Пушкина





рами Ташкента со всей серьезностью встал вопрос о принципах использования в архитектуре этих домов национальных узбекских архитектурных форм, о создании типа жилого дома, характерного для Узбекистана. В поисках творческого решения этой важной проблемы ташкентские архитекторы обратились к монументальной, преимущественно культовой архитектуре, взяв за основные композиционные темы жилых домов стрельчатые арки и лоджии.

Широко применялись эти композиционные темы как в застройке улицы Навои и набережной Анхора, так и в новых жилых домах (архитектор М. Булатов), строящихся на площади Беш-Агач.

Многократное применение одних и тех же приемов архитектурного решения вряд ли следует считать правильным. Стрельчатая арка отнюдь не является характерным элементом народного жилища Узбекистана, и частое использование этой формы в жилищном строительстве Ташкента придает городу вид обезличенной экзотичной восточности. К тому же широко используемые в уличных фасадах жилых домов лоджии неудачны в бытовом отношении и ухудшают экономические показатели зданий.

Видимо, учитывая эти недостатки, в последних архитектурных композициях фасадов жилых домов г. Ташкента (например, жилой дом Управления Ташкентской железной дороги по улице Полторацкого, архитектор И. Мерпорт) намечены более прогрессивные принципы, идущие от архитектуры Узбекского народного жилища. Эти же принципы положены и в основу вновь разрабатываемых типовых проектов жилых домов.

К числу значительных работ, проведенных в последние годы в Ташкенте, следует отнести реконструкцию сквера Революции — одного из узловых планировочных пунктов города. В ходе реконструкции устранен большой недостаток прежней планировки сквера — пересечение его оживленными транспортными магистралями.

Следует отметить также интересное архитектурное решение башни курантов, построенной по проекту архитектора А. Мухамедшина. Недостаточная высота башни, к сожалению, уменьшает ее роль в силуэте города.

Вследствие недостаточной протяженности канализационной сети город застраивался преимущественно двухэтажными домами. Эти двухэтажные дома строились в основном по типовым проектам серии 219 (авторы — архитектор И. Рачинская и инженер В. Озеров). Архитектура и планировка домов этой серии более высоки по качеству в сравнении с ранее применявшимися в Ташкенте проектами.

Как положительное явление следует отметить строительство этих

домов не одиночками, а довольно большими группами — по 5—10 домов в одном квартале, что дало возможность создать небольшие ансамбли.

В практике строительства, наряду с положительными качествами проектов серии 210, выявились и недостатки этих проектов. Лоджии не следовало обращать на уличные фасады, планировка угловой секции неудачна, не продуман отвод воды с крыш. Вследствие недостатков проектов в настоящее время Узгоспроектом разрабатывается новая серия типовых проектов 2—3-этажных домов.

При большом объеме жилищного и общественного строительства, намечаемого в столице Узбекской ССР, ташкентские архитекторы должны значительно повысить требовательность к своим работам, углубленно изучать народную узбекскую архитектуру и многочисленные первоклассные архитектурные памятники, находящиеся на территории республики.

Республиканские и городские архитектурные органы при выдаче заданий на проектирование и рассмотрении проектов должны с большей настойчивостью заботиться об обеспечении архитектурного единства площадей и целых улиц. При этом архитекторам Ташкента при разработке национальной формы нужно со всей отчетливостью уяснить, что архитектура города по своей направленности должна выражать жизнеутверждающий дух нашей эпохи, счастливую жизнь свободного узбекского народа.

БИБЛИОГРАФИЯ

О книге по экономике проектирования школьных зданий[1]

Выбор наилучшего решения различных типов школьных зданий как по затратам на их строительство, так и по эксплуатационным расходом является весьма сложной задачей проектировщиков.

Приведенные в рецензируемой книге технико-экономические показатели школьных зданий составлены на основе анализа большого количества проектов школ, выполненного в Научно-исследовательском институте архитектуры общественных и промышленных сооружений Академии архитектуры СССР.

Автором книги разработаны методика оценки как объемно-планировочных, так и конструктивных решений школьных зданий, которая значительно облегчает экономический анализ различных вариантов проектов.

Автор доказал, что менее экономичной как по первоначальным затратам, так и по эксплуатационным расходам является школа на 40 мест. В практике строительства начальных школ наибольшее распространение имеют школы на 160 мест, которые к тому же являются и самыми экономичными, так как увеличение объема зданий обычно приводит к снижению затрат, приходящихся на единицу его площади, в основном за счет снижения удельного веса ограждений (поверхности ограждений, относимой к 1 м² учебной или полезной площади).

Однако с увеличением объема зданий семилетних школ (на 280 и 400 мест) при включении в состав помещений лабораторий, лаборантской, кабинета врача, буфета и других первоначальные затраты (на 1 место) не снижаются, а увеличиваются, и только для школ на 880 мест они несколько снижаются. Кривая эксплуатационных расходов при этом падает весьма резко.

Согласно исследованиям автора затраты на строительство школы на 880 мест, отнесенные к одному месту, в сравнении с затратами по школе на 400 мест, сокращаются на 6%. При этом административно-управленческие расходы по школе на 880 мест снижаются на 65%, а отопление — на 21,5%.

Приведенные автором цифры убедительно говорят о важности учета вопросов экономики при проектировании или при выборе типа школьных зданий.

Определяя затраты на общестроительные работы по зданиям школ на 880 мест с полной унификацией конструктивных элементов, автор установил, что стоимость 1 м³ здания при различной планировке колеблется весьма мало — в пределах 1%. Лишь при расположении классов на одной стороне рекреационного коридора разница достигает 4,5%.

Следует отметить, что автор книги не ограничивается поисками излишеств в проектах, но и правильно намечает пути их устранения. Установлено, что в ряде проектов школ на 40 мест показатели полезной площади превышают нормативные на 6—10%. Имеет место превышение нормативных показателей и по школьным зданиям больших объемов.

Своевременно и правильно тов. Эстров ставит вопрос о необходимости разработки каталогов-альбомов конструкций и деталей школьных зданий, с тем чтобы можно было полностью переключиться на индустриальные методы их возведения; разработку таких каталогов надо вести в тесной увязке с каталогом унифицированных элементов жилых домов.

В главе IV приведены обобщенные технико-экономические показатели для некоторых типов школ и ставится вопрос о необходимости разработки показателей, которые могли бы служить обязательным эталоном для проектировщиков и утверждающих инстанций. Эти показатели в значительной степени упростят выбор наиболее экономичных объемно-планировочных и конструктивных решений.

Наряду с несомненными достоинствами книга не лишена и недостатков. Так, первоначальные затраты и эксплуатационные расходы при разработке технико-экономических показателей исчислены для условий строительства в Москве. Понятно, что для условий строительства и отдаленных от Москвы городах и в сельских местностях этими показателями воспользоваться нельзя, так как они могут значительно колебаться (особенно показатели, относящиеся к характеристике конструктивных схем зданий).

Сделать пересчет показателей для других районов строительства не представляется возможным, так как по отдельным конструктивным элементам полные затраты труда, материалов изделий и машин в книге не приведены. Кроме того, вопросы экономики конструктивных решений рассматриваются в отрыве от технологии изготовления изделий, а также в отрыве от организации строительных работ.

Несмотря на эти недостатки, работа в целом заслуживает положительной оценки; она может служить полезным пособием при проектировании школ. Издание аналогичных книг по технико-экономической оценке зданий различного назначения будет безусловно способствовать значительному снижению стоимости строительства при одновременном улучшении его качества.

Б. РУЗИН
кандидат экономических наук

---

[1] З. И. Эстров, Вопросы экономики проектирования школьных зданий. Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре. Москва, 1953 г. 10 печ. л., цена 7 р. 45 к.

АРХИТЕКТУРА С·С·С·Р

ВЫПУСК

4

СБОРНИКИ СОЮЗА СОВЕТСКИХ АРХИТЕКТОРОВ

1 · 9 · 4 · 3

ОПЫТ ПРОЕКТИРОВАНИЯ ЖИЛИЩ ДЛЯ СРЕДНЕЙ АЗИИ

Г. Захаров, З. Чернышева

Создание полноценного жилища всегда было и будет одной из основных проблем советской архитектуры. За истекшие годы создано много хороших образцов современного жилья, но допущен также целый ряд ошибок в проектировании и строительстве жилых зданий. Во время нашего пребывания в Узбекистане, в 1942 году, мы имели возможность воочию убедиться в одной из таких ошибок, допущенных в свое время в жилищном строительстве как в городе Ташкенте, так и вблизи лежащих промышленных поселках (Чирчик и др.).

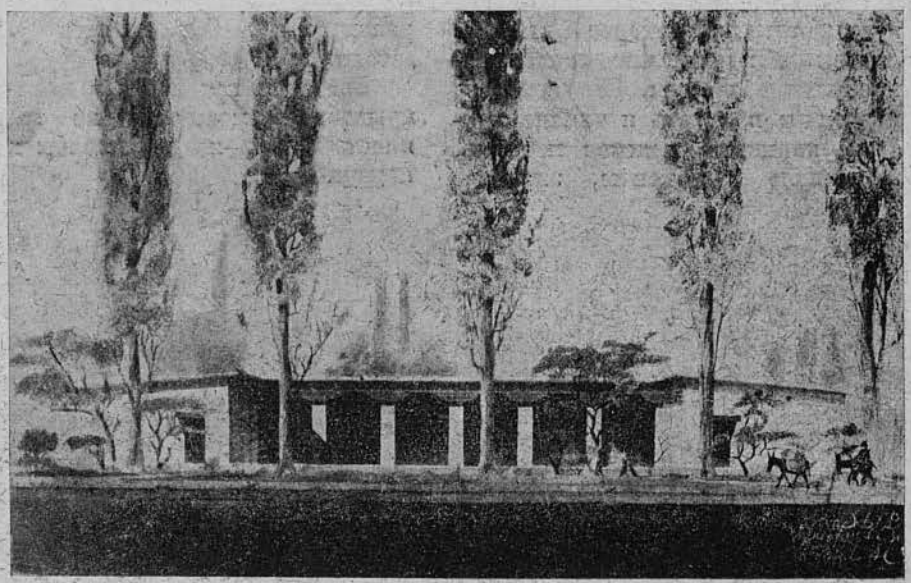
Республики Средней Азии своими бытовыми и климатическими особенностями довольно резко отличаются от большинства других районов Советского Союза. Казалось бы, что при решении такой важной проблемы, как жилье, эти первостепенные факторы должны были бы найти свое отражение в работе архитектора. Но, к сожалению, вся многообразная и довольно значительная по масштабам архитектурно-строительная практика Узбекистана, начиная от общественных сооружений и кончая жилыми домами, изобиловала провинциальными подражаниями «столичным вкусам», а чаще всего ограничивалась воспроизведением образцов, рассчитанных на центральные районы России.

Архитекторы, работавшие для Средней Азии, очень часто не понимали своей основной задачи, не умели вематриваться в окружающую природу, не замечали особенностей богатейшего края, его народного творчества, его национальной культуры, его замечательных строительных традиций. Только этим можно объяснить появление в городе Ташкенте четырех- и пятиэтажных жилых корпусов, с обычной для средней полосы России жилой секцией, с обычным санитарно-техническим оборудованием, где все «местные» особенности сведены к несуразным, беспомощно нарисованным декоративным деталям, имеющим самое отдаленное сходство с отдельными фрагментами дворцово-храмовой архитектуры Узбекистана. Богатейший опыт строительства народного жилища, глубокую осмысленность построения узбекского жилого дома считали сплошь «устаревшими» и попросту выбрасывали из современного архитектурно-строительного обихода. В Ташкенте дошло до того, что некоторые архитекторы в угоду безобразным четырехэтажным фасадам вырубили замечательные пирамидальные тополи и бесподобные карагачи, так как они... закрывали виды.

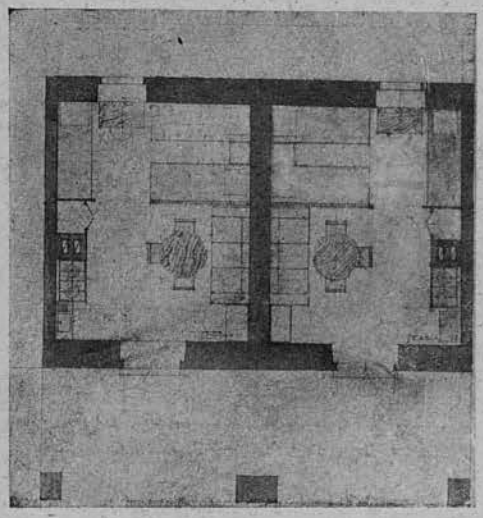
Основной причиной подобного неразумного отношения к жизненным требованиям и является, по нашему мнению, тот факт, что мы мало уделяем внимания реальным условиям строительства, природе и—что особенно важно—мало ценим традиции, не стараемся понять народный опыт и сделать из него выводы. В нашем изучении архитектуры прошлого слишком много дилетантства, очень часто все изучение кончается фотографической фиксацией памятника, а его природа, пути его возникновения и совершенствования остаются где-то в стороне, как малозначительная подробность. Поэтому в нашей творческой архитектурной практике последних лет искания новых образов слишком часто кончаются на том или ином фрагменте той или иной эпохи, а зачастую выплывают на свет эклектика, «модерн», безвкусица.

Если посмотреть на старые среднеазиатские города, их узкие кривые улички, кварталы, дворы, домики, распределение зелени, арыки и т. д. не глазами туриста, а архитектора-строителя, то во всем этом, без особого труда, можно заметить не «восточную экзотику», а большую жизненно решенную проблему построения жизни человека в условиях нестерпимо палящего солнца и раскаленного воздуха, насыщенного мельчайшей лессовой пылью.

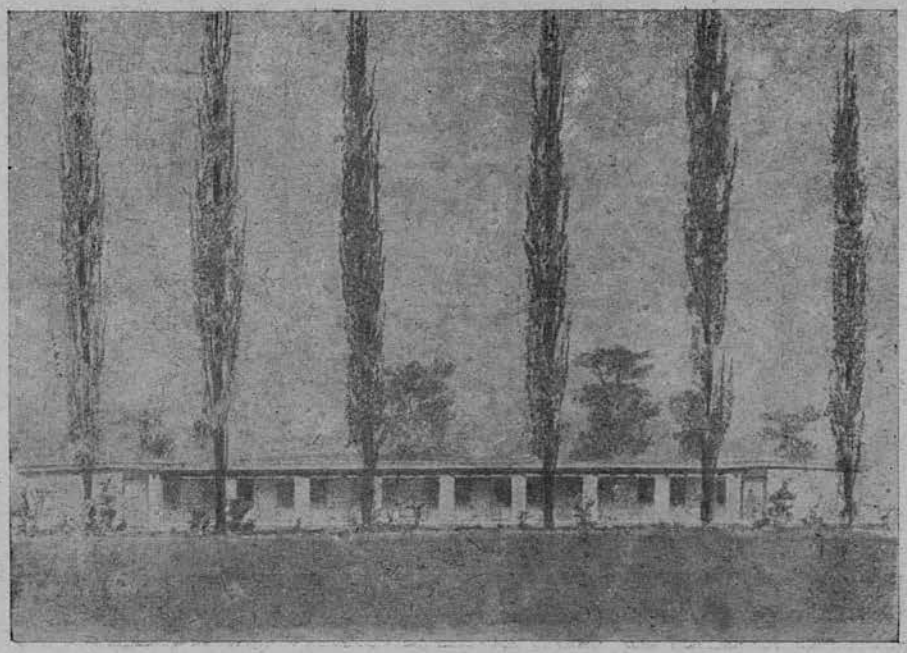
Среднеазиатский город по-своему и весьма интересно решает задачи, предъявляемые строителю окружающей природой. Основные



1. Фасад жилого дома (общежитие)



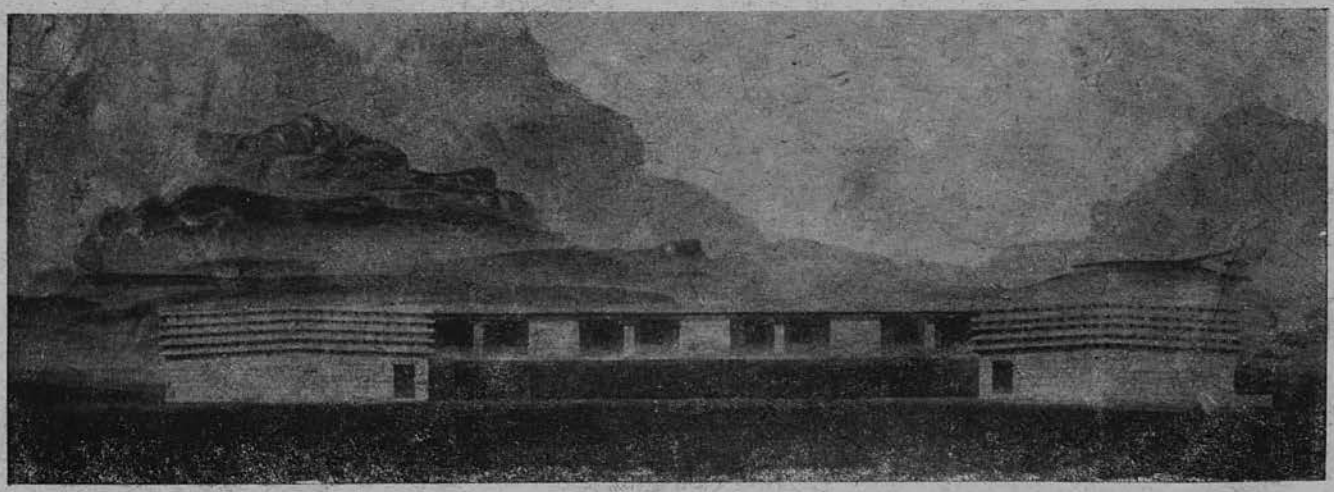
2. План секции общежития для семейных



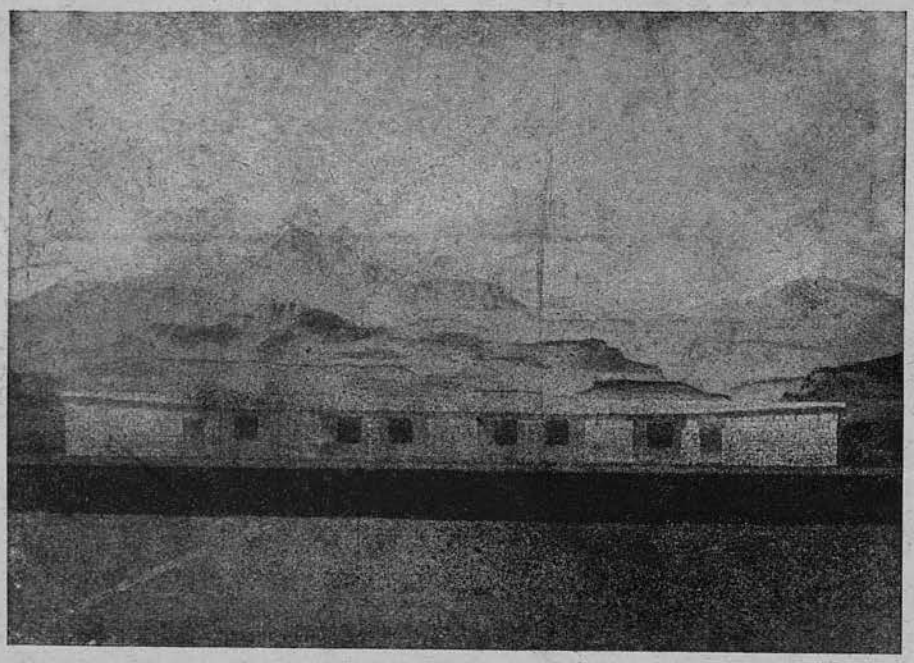
3. Фасад общежития

улицы, площади с примыкающими к ним маленькими, часто кривыми, переулочками и тупиками с довольно высокими заборами-дувалами, дают пешеходам возможность укрыться от горячего южного солнцепека в тени. Богатейшая растительность, которая в жизни страны играет такую значительную роль, как правило, всегда оставалась внутри двора. Улицы, а особенно переулки и тупики, были лишены ее, и это в условиях прежнего бытового уклада также имело свои веские основания. После довольно долгого и утомительного странствования по шумным, пыльным и душным улицам вы входите во двор, и сразу картина кардинально меняется: город с многоголосной толпой как бы остается за входной дверью, вы попадаете в иной мир. Покой, природа, полная изолированность — вот что встречает человека в интерьере жилья,— и все это тут же, в непосредственной близости от города, центра, деловых зданий и учреждений.

Двор в условиях Средней Азии, да и вообще юга, во все эпохи, начиная с времен эллинизма, а может быть и раньше, всегда был центральным звеном в организме жилья. Архитектор-строитель, используя все блага богатейшей природы, создавал замечательные образцы жилых домов. Мы не имеем здесь возможности конкретно остановиться на приемах архитектурного решения узбекских домов и двориков, но мы должны подчеркнуть значение двора в узбекском доме, его ведущую роль в построении жилища. Система орошения в среднеазиатских условиях играет одну из главных ролей в народном хозяйстве. Арыки — эта кровеносная система Узбекистана — считались в прошлом священными. Бесчисленные журчащие ручейки



4. Фасад общежития в Турен-Глы

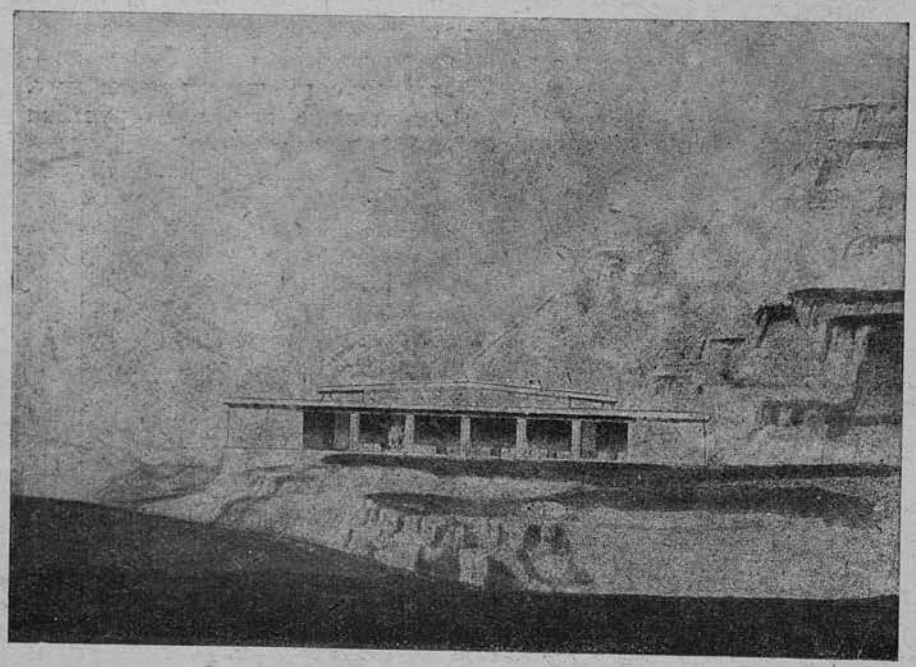


5. Фасад общежития в Турен-Глы (вариант на ровной площадке).

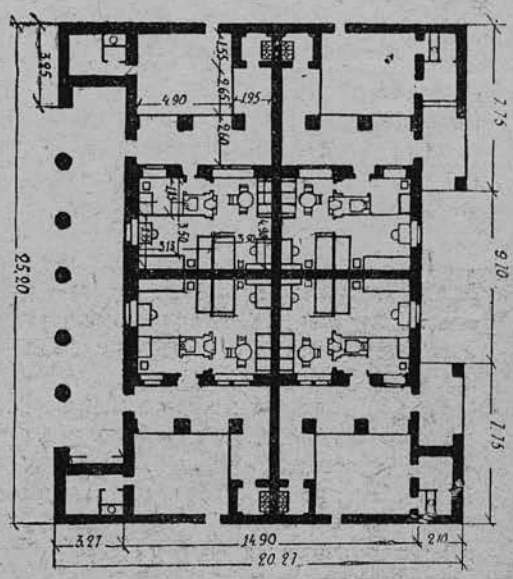
и каналы поддерживались в идеальном состоянии, загрязнять их было равносильно святотатству. Каждый двор, каждый хозяин оберегал свой участок драгоценного арыка с наивозможным рвением. Во дворе часто делались небольшие проточные бассейны, обсаженные декоративными и плодовыми деревьями. Небольшие искусственно приподнятые площадки перед бассейном служили излюбленным местом отдыха многочисленной узбекской семьи. Площадка, устланная коврами, под тенью пышной зелени, у студеного бассейна, в самые жаркие, душные дни предоставляла возможность не только спокойно переносить зной, но и наслаждаться особенностями узбекистанского лета.

Планировка самого дома строилась таким образом, что всеми своими помещениями он раскрывался через террасу-айван во двор, на природу. Окон, выходящих на улицу, в старом городе в узбекских домах почти невозможно встретить. Это абсолютно логично с точки зрения санитарии и гигиены. Сосредоточение всей жизни дома происходит во дворе, который в силу климатических особенностей Средней Азии в продолжение 8—9 месяцев в году служит как бы большим открытым холлом. Айван, вбирающий в себя все интимные помещения дома, естественно, приобретал роль основного помещения, которое становилось как бы переходным пространством между закрытыми интимными комнатами и природой. Поэтому его архитектурно-художественной обработке придавалось большое значение. Деревянные подпоры-колонны покрывались искусной резьбой, орнаментом, а для усиления впечатления они раскрашивались. Употребление дерева, цвета, ковров делало айван самым богатым помещением дома узбека. Дом, сарай, кладовые, погреба, летняя кухня и другие обслуживающие помещения размещались вокруг двора, подчеркивая его значение, как основного композиционного центра узбекского дома.

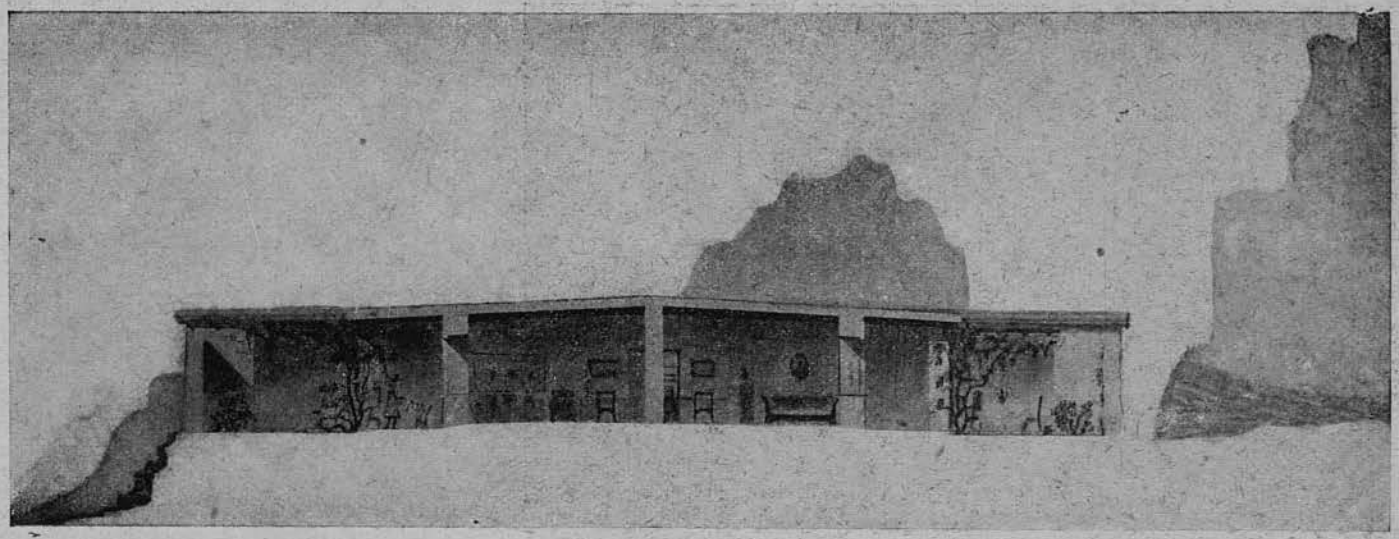
Вопросы ориентации по странам света играют колоссальную роль в среднеазиатском жилище. Двор и айван предоставляют архитектору все возможности для того,



6. Фасад четырехквартирного жилого дома



7. План четырехквартирного жилого дома



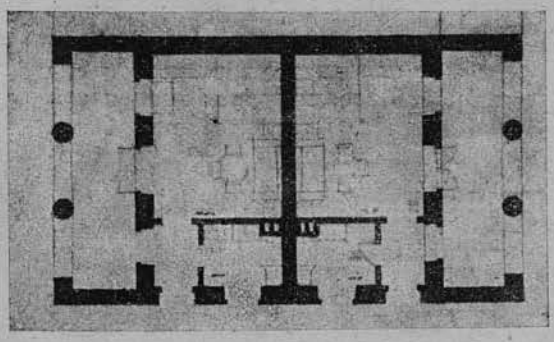
8. Разрез четырехквартирного дома

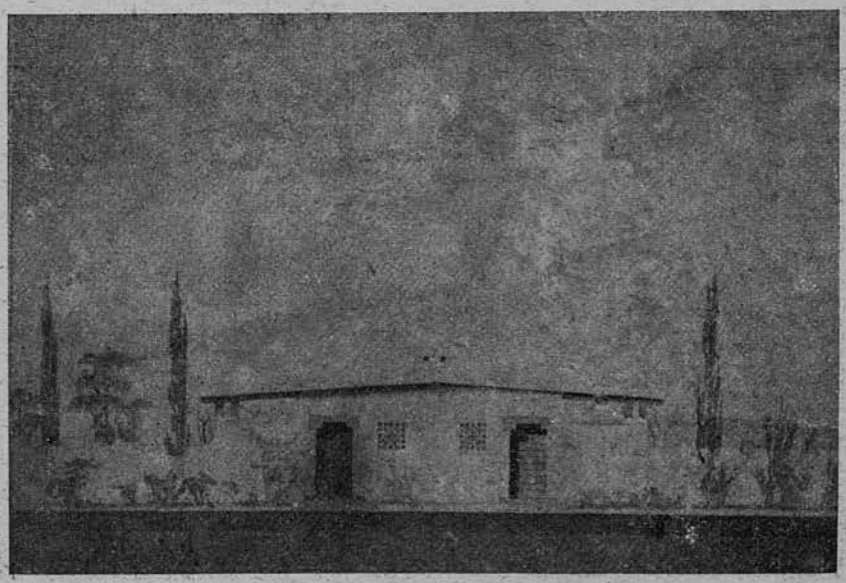
чтобы справиться с этой трудной проблемой, чего нельзя сказать о современных многоэтажных домах.

Логичная система перехода от города через улицу, переулок, двор, айван к индивидуальной комнате — интимному уголку, который всегда был и будет нужен человеку,—вот что характеризует узбекское жилье и составляет его главную архитектурную ценность. Построение отдельных архитектурных элементов городского комплекса проведено также с большой последовательностью. Постепенные переходы от одного пространства к другому, смена масштабов, большое чувство такта в декоративной обработке еще более подчеркивают основную идею — постепенного раскрытия и нарастания богатства, проводимую народными зодчими в постройках своей страны.

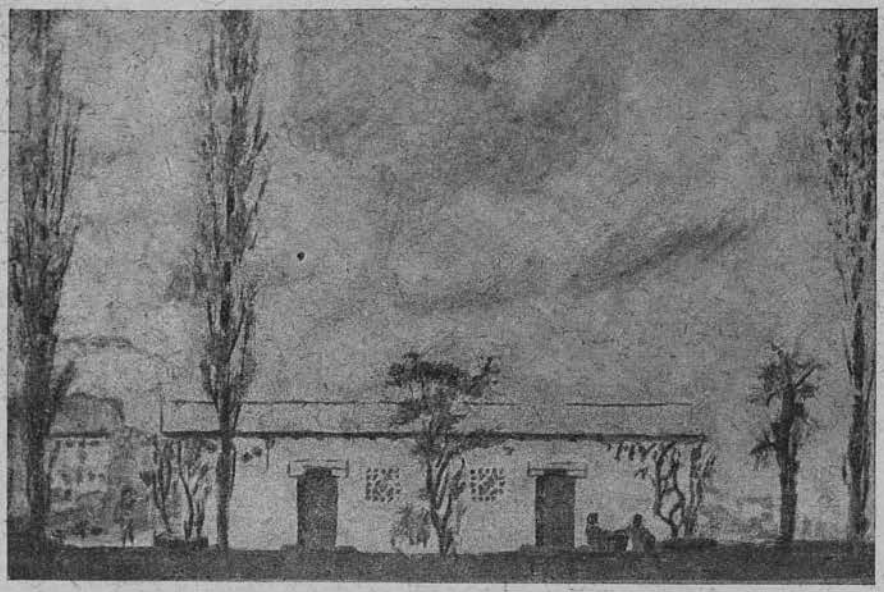
Анализируя прошлое и внимательно всматриваясь и изучая современный уклад жизни Узбекистана, нужно заявить, что у нас нет никаких причин отметать в сторону эту концепцию построения жилья. Проблема строительных материалов, вопросы санитарно-технического оборудования и обслуживания населения города, вопросы строительных конструкций — все это звенья единой цепи, все эти вопросы нельзя решать в отрыве от реальных условий и возможностей. Особенности Узбекистана в области строительных материалов наложили свой отпечаток на историю его архитектуры. Отсутствие дерева, большие затруднения с топливом для обжига кирпича лишили узбеков в прошлом возможности широкого применения этих основных материалов в гражданском строительстве.

Дерево в прошлом — это драгоценность. Жженый кирпич с успехом заменен сырцом. Жизнь поставила задачу — создать такие конструкции, которые исключали бы зависимость от дефицитных материалов. Задача была с честью разрешена. Арки, своды, купола, решетки, переплеты из ганча и много других конструктивных решений имел в своем распоряжении зодчий Узбекистана. Введение быстро схватывающихся вя-

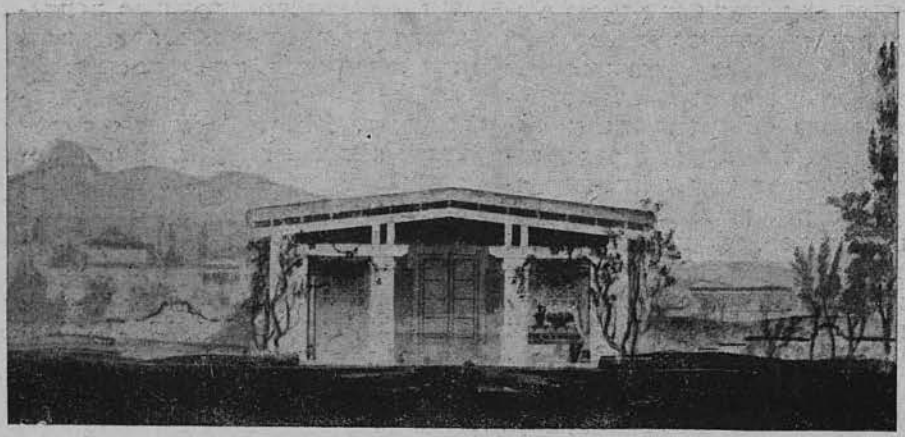




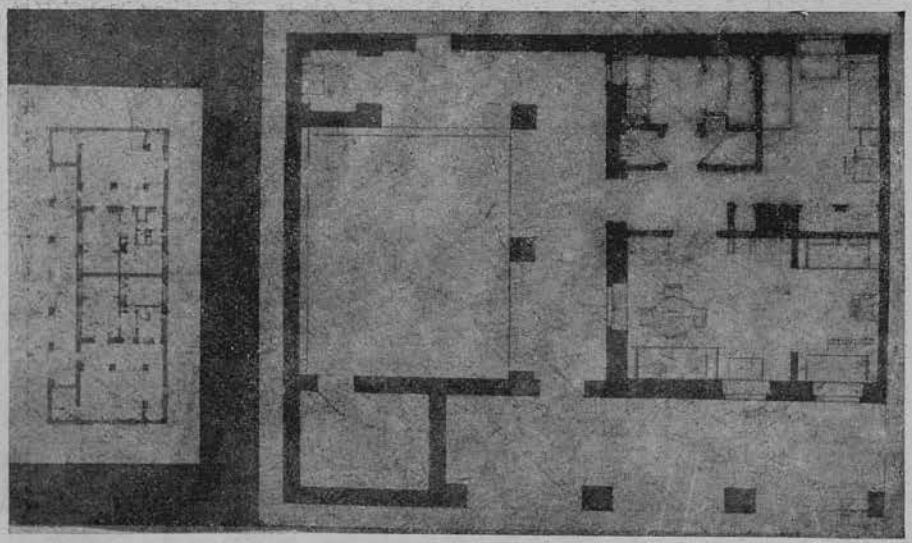
9. План и фасад двухквартирного дома для семейных рабочих (в Ташкенте)



10. Фасад двухквартирного дома



11. Боковой фасад двухквартирного жилого дома (со стороны сада)



12. План двухквартирного дома и секции

жущих материалов позволило сооружать арки, своды и даже купола без кружал и специальных лесов. Эта большая строительная проблема, разрешенная классически просто, наложила свой отпечаток на всю историю узбекской архитектуры.

Санитарно-техническое оборудование города и дома строилось на совершенно иных принципах, и здесь были достигнуты большие успехи, пренебрегать которыми нет никаких причин. Тут можно многое сказать и о приемах отопления жилого дома, общественных сооружений, бань и т. д., о канализации, об отводе грязных вод,— но это чисто технические вопросы, которых мы касаемся только мимоходом.

В наше время, время Великой Отечественной войны, когда вопросы транспорта, а следовательно и ввоза дефицитных строительных материалов и топлива стоят как никогда—остро, а строить нужно как никогда—много, забывать прошлый опыт строительства из местных материалов недопустимо.

Основные местные строительные материалы допускают возможность строить только одноэтажные и максимум двухэтажные жилые дома. Местные конструктивные решения эффективны во всех отношениях при малоэтажном строительстве. Устройство мощной канализационной системы нереально не только в настоящее время, но и на довольно значительный промежуток времени. Следовательно, здесь возможно малоэтажное, рассредоточенное строительство с местной канализационной системой (площадь застройки Ташкента сейчас равна площади застройки Москвы). Условия жизни, климат, архитектурные традиции заставили нас внимательно изучить прошлый опыт построения жилого дома, взять оттуда все принципиально хорошее, все, что дает возможность создания лучших условий быта. Эти положения мы приняли за основу своих, к сожалению, еще не доведенных до конца опытов проектирования жилья для Средней Азии.

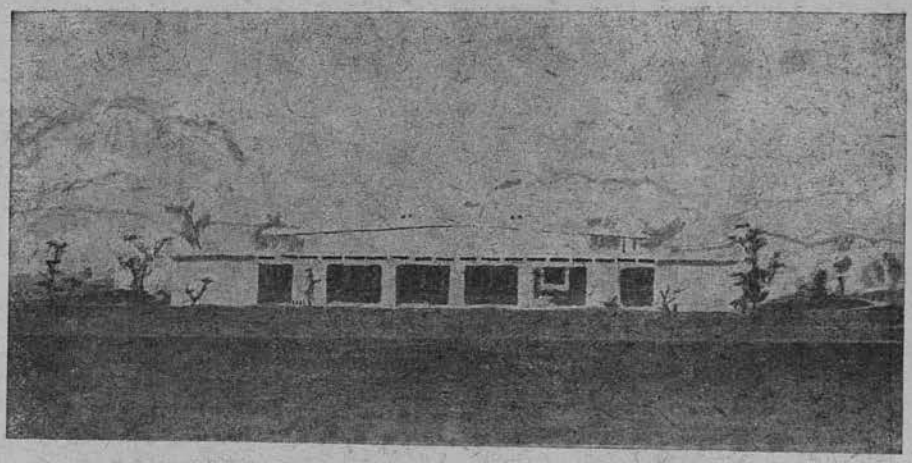
Требования военного времени не позволили полностью воспользоваться богатейшими приемами и традициями узбекского строитель-

ного искусства. Нормы индивидуального потребления жилой площади доведены до минимума, что также внесло свои коррективы в построение квартиры. Но независимо от норм, проблему архитектурного образа мы стремились поставить в полный рост. Мы полагаем, что никакие условия, никакие нормы, никакие жесткие экономические требования не должны влиять на постановку этой первостепенной проблемы в любой национальной архитектуре.

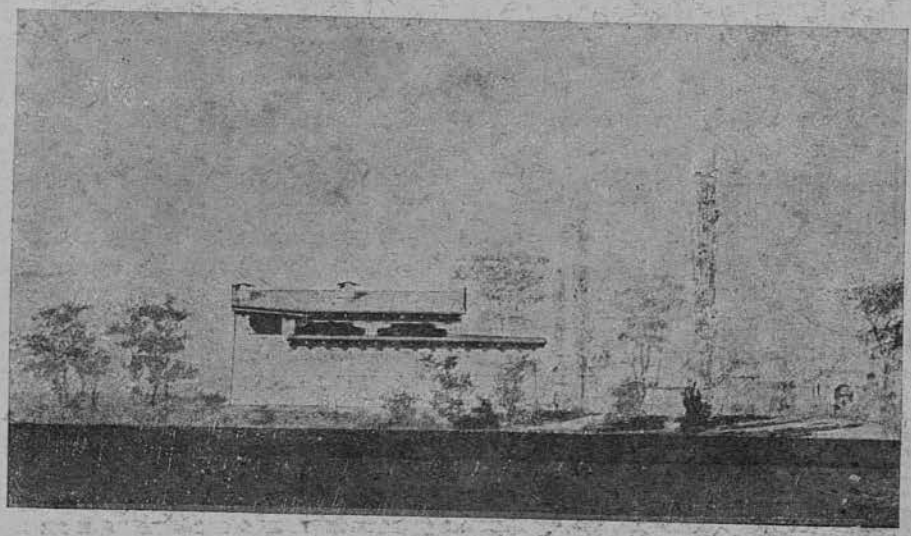
* *
*

В одном из проектов общежития рабочих для Ташкента нами была предложена ячейка на четырех человек с двухъярусным расположением кроватей. Одной из основных задач, которая ставилась перед нами, было создание такого проекта, где применение дерева было бы сведено до минимума. Наибольшее количество леса, как известно, идет обычно на перекрытия и полы. Проект предусматривает применение гипсовых балок, армированных камышом. Пролеты доведены до 1,95 м в осях. Балочки сечения 12×28 см стандартные могли изготовляться на заводах заранее и, уложенные по прогонам, образовывали монолитное перекрытие; сверху оно утеплялось камышом, затем выравнивалось землей и смазывалось в несколько приемов специально приготовленной глиной. Перегородки—из камышита с обычной штукатуркой. Перед каждой комнатой имеется айван, он изолирован от соседей и дает некоторые удобства. К типу общежитий относятся проекты, изображенные на рис. 1—5. В проекте на рис. 2 дано нормальное расположение кроватей, но также сохранена идея интимной части комнаты — спальни и общей, где стоят стол, диван, плита в нише и все необходимое хозяйство.

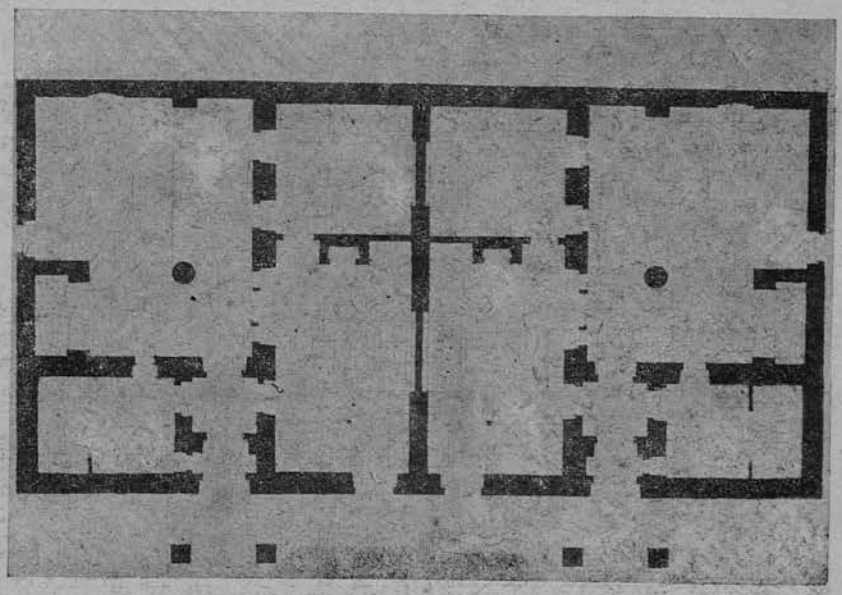
Проекты общежитий для рабочих рудника в высокогорном районе показаны на рис. 4 и 5. Условия климата, резкие колебания температуры, сильные ветры, а также местные строительные материалы существенно видоизменили жилую ячейку, но в принципе решение осталось то же. В силу очень крутых профилей, на кото-



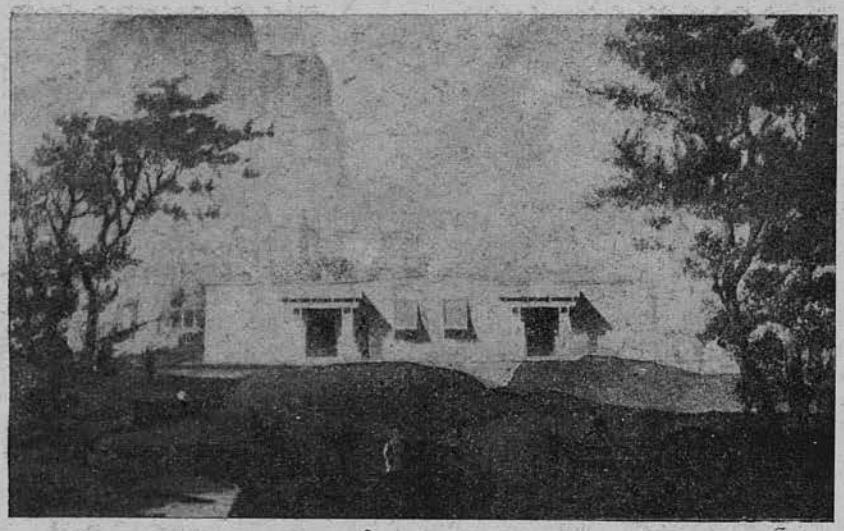
13. Главный фасад двухквартирного дома



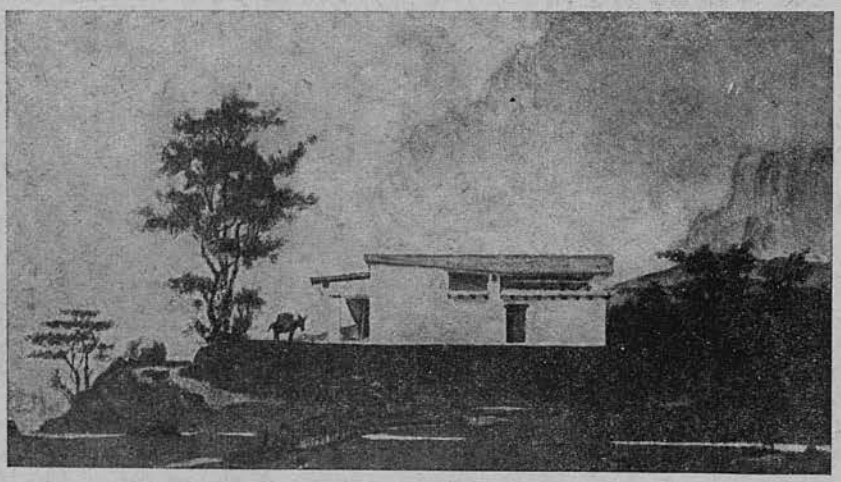
14. Боковой фасад двухквартирного дома



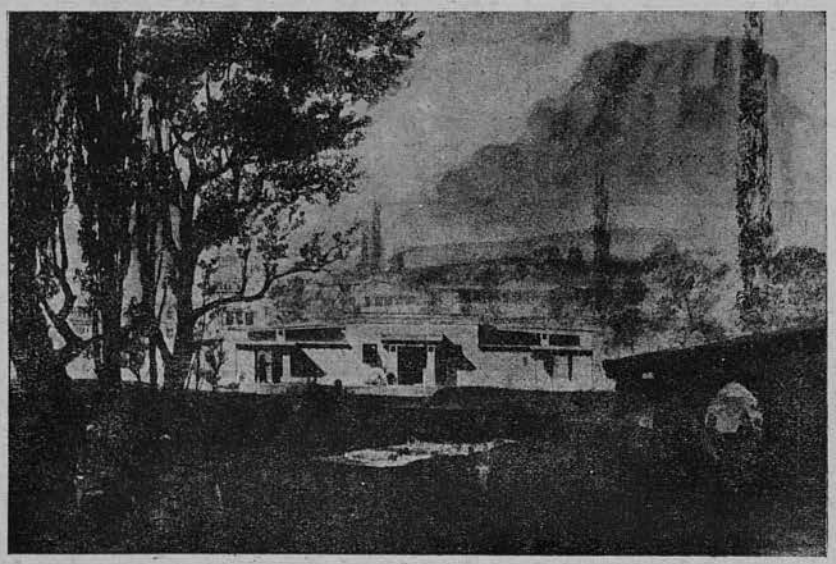
15. План двухквартирного дома



16. Фасад двухквартирного дома



17. Боковой фасад двухквартирного дома



18. Фасад трехквартирного дома

рых предполагалось вести строительство, и невозможности вести работы по выравниванию площадки, пришлось принять ступенчатую систему построения дома, что дало архитектуре возможность слиться с окружающим пейзажем.

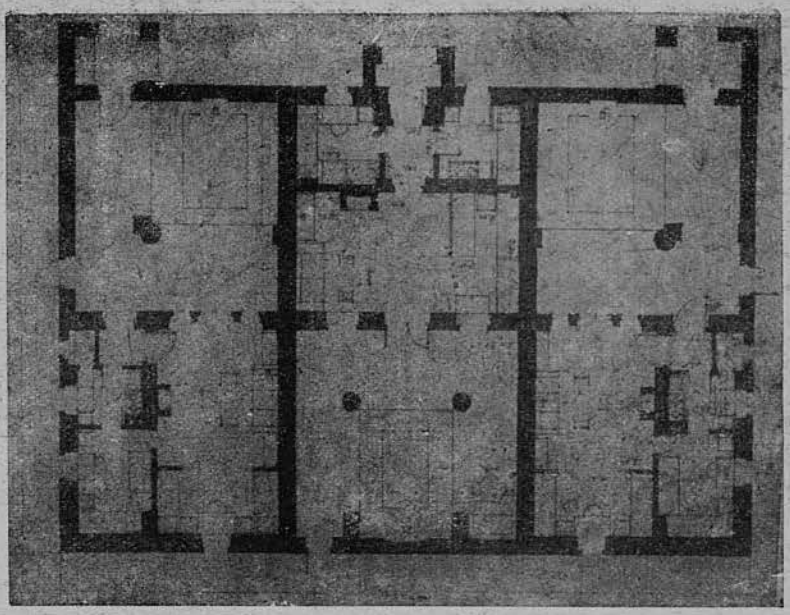
Четырехквартирный дом инженеров и техников этого рудника решен уже как более монументальное строение с улучшенными жилищными условиями. Каждая квартира имеет свой собственный изолированный дворик, который располагает перекрытым галлереей айваном, кладовой и летней кухней. Основным стеновым материалом служит местный известняк, перекрытия — по деревянным балкам, так как иные материалы завезти в высокогорный рудник было невозможно. Стеновой материал двориков в силу вышеизложенного тот же.

Проект двухквартирного домика для рабочих одного из заводов в городе Ташкенте (рис. 9—11) предусматривает создание такого типа жилья, который позволял бы рабочим на отпускаемые государством средства строить индивидуальные дома.

Предложенный нами проект был доведен до стадии рабочих чертежей и принят к строительству для двух больших поселков. По предварительной смете его стоимость была равна 10½ тыс. руб. (на две семьи). Стеновой материал — сырец, переплеты — армированный гипс, перекрытие—монолитное из балочек, материал эстрих-гипс, армированный в растянутой зоне камышом. Балочки имели тавровое сечение, вес каждой не превышал 40—45 кг при 3,60-м пролете. Каждая семья имеет свой участок, на который выходит терраса-айван. Квартира имеет прихожую, кухню и комнату, разделенную легкой ширмой, ковром, драпировкой на спальную часть и для общего пребывания.

Двухквартирный дом для инженеров и техников (рис. 12, 13 и 14) предполагалось строить также в Ташкенте. Проект рассчитан на те же материалы и конструктивные элементы. Квартиры решены богаче, уютнее и, конечно, дают больше удобств (окончательно разработанный вариант, к со-

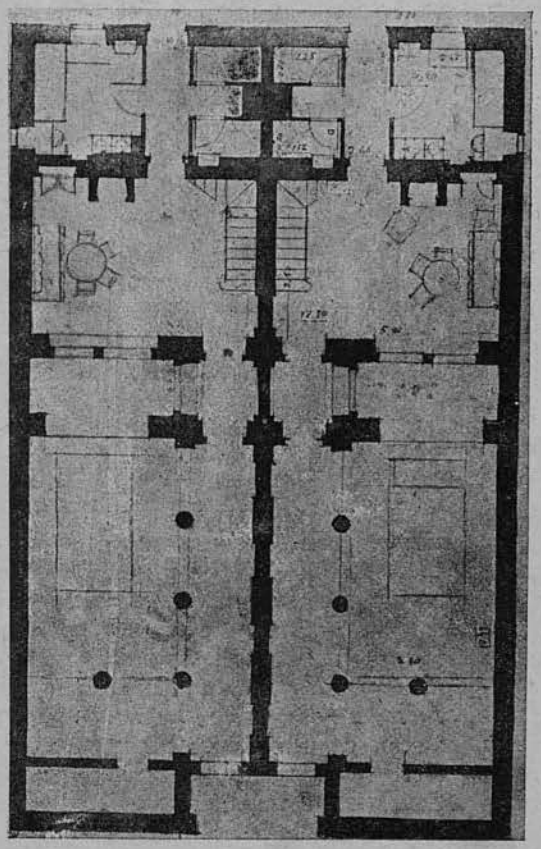
жалению, не удалось напечатать). Принята местная канализация с возможностью в будущем включения в общегородскую сеть (предполагалось строить дом в центре города). Изолированный дворик, в который раскрываются все помещения, имеет крытый айван, летнюю кухню, кладовую и выход в сад-огород. Архитектуре дома хотелось сообщить больше парадности, в силу расположения в одном из центральных районов города. Двухквартирный дом (рис. 15, 16 и 17) разработан нами в расчете на свободное расположение на участке; дом предназначен для работников Северного Ташкентского канала. Состав помещений проведен более развернуто и с большей последовательностью. В архитектуре хотелось дать максимум лаконичности, но не в ущерб ее выразительности и лиричности.



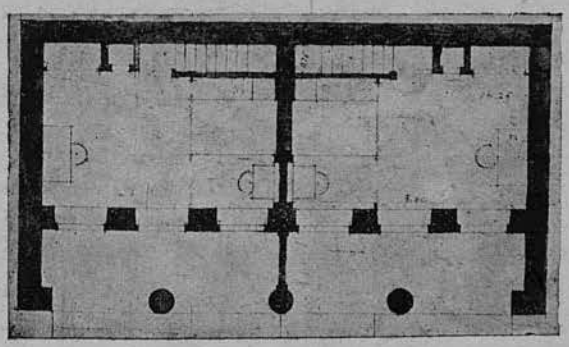
19. План трехквартирного дома

Трехквартирный дом разработан при тех же условиях. Стены соседа здесь служат стенами индивидуального дворика, квартиры имеют тот же набор помещений и позволяют через свои индивидуальные, совершенно изолированные дворики выходить в усадьбу—огород и сад (рис. 18 и 19).

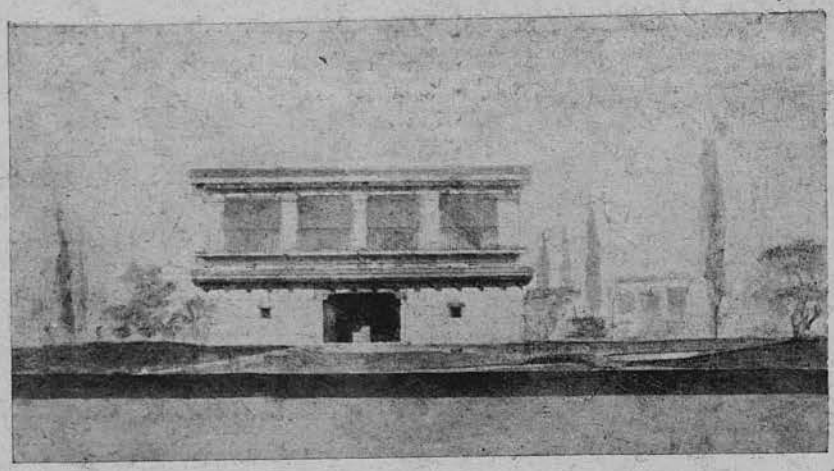
Проект двухэтажного двухквартирного домика, предназначенного для инженерно-технических работников одного эвакуированного завода, имеет ту особенность, что с улицы, через крытую галлерею индивидуального дворика, посетитель попадает в прихожую и затем в большую общую комнату, из которой внутренняя лестница ведет в верхнее помещение (спальню и кабинет), а дверь—в кухню, санузел (уборная, душ) и на черный ход, который выводит на участок-усадьбу. Материалы — местные. Конструктивные элементы те же, что и в предыдущих проектах. Айван первого и второго этажей раскрывает помещения во дворик, где устроен маленький бассейн, обсаженный стриженой зеленью. Кладовые и хозяйственные помещения размещены тут же во дворике (рис. 20, 20а, 21 и 22).



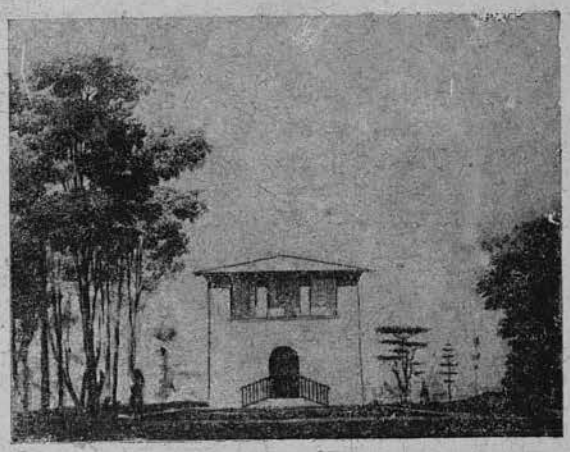
20. План двухквартирного дома в Ташкенте. Первый этаж



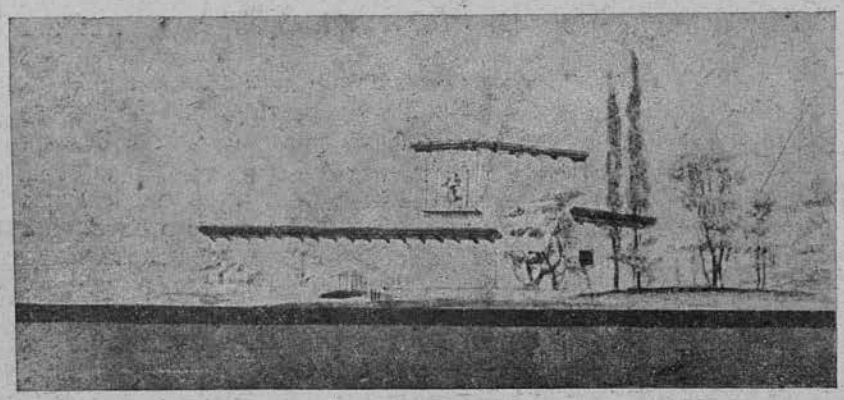
20а. План двухквартирного дома в Ташкенте. Второй этаж



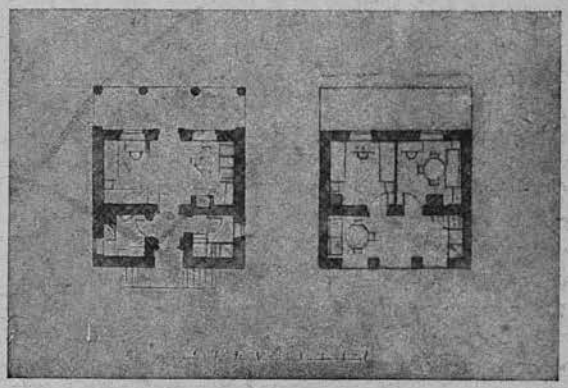
21. Передний фасад двухэтажного двухквартирного дома



23. Фасад двухэтажного одноквартирного дома



22. Боковой фасад двухэтажного двухквартирного дома



24. План двухэтажного одноквартирного дома

В проекте одноквартирного двухэтажного дома первый этаж отведен под основную комнату, в которую ведет с одной стороны вход с улицы через небольшую лоджию и прихожую, с другой — вход из кухни через прихожую (рис. 23 и 24).

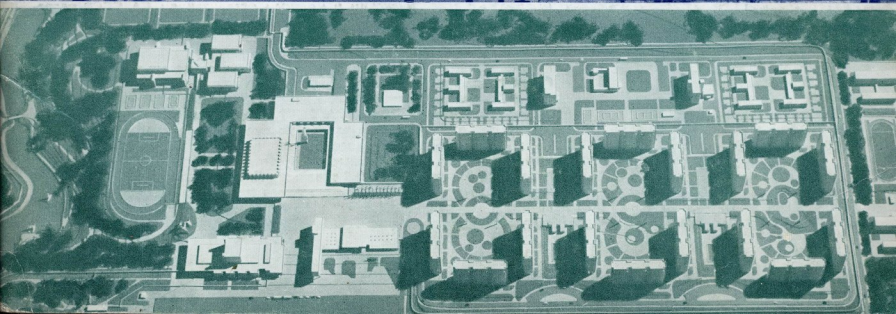
Другая сторона большой комнаты раскрыта в сад через айван. Лестница, ведущая из прихожей в верхние помещения, выходит в лоджию второго этажа, из которой два входа ведут в две комнаткиспальни. Лоджия в течение 7—8 месяцев будет полноценно использована как дополнительная площадь. Основные материалы и конструкции — те же, санитарно-техническое оборудование—выносное, но в случае канализования возможно устройство санузла под лестницей, где имеется соответствующая площадь.

Нашу работу над проектами жилых домов мы не считаем законченной, сделаны только первые шаги, разработаны только основные положения строительства в условиях Средней Азии. Дальнейшая работа должна быть направлена к созданию разнообразных типов современного жилища, полностью отвечающего высоким требованиям советской архитектуры.

ISSN 004-1939

АРХИТЕКТУРА СССР

1 1982



щих стадий проектирования: разработки архитектурно-планировочного решения и определения параметров отдельных зданий, коммуникаций, сооружений.

Необходимо внести изменения и в процесс вариантной проработки архитектурно-планировочного решения жилого района. Возможные варианты предлагается оценивать с точки зрения экологических последствий того или иного композиционного приема застройки. Для такой оценки в ЦНИИП градостроительства разработана методика, которая позволяет всю совокупность экологических свойств решения выразить одним комплексным показателем — индексом качества окружающей среды (процедура итеративной разработки архитектурно-планировочного решения с учетом результатов его экологической оценки показана в виде циркулирующей связи β).

Наконец, третья итерация (γ) направлена на взаимосвязанное решение функционально-технических и экологических задач при разработке проектов привязки зданий, сетей, малых форм, благоустройства. На этом этапе определяется потребность в специальных мероприятиях по охране и оздоровлению окружающей среды, которые представляют собой широкий круг конструктивно-технических средств типа звукоизоляционных экранов, газозащитных сооружений, мер по рекультивации территории и др. Выбор этих мероприятий должен производиться с учетом принципа эффективности капитальных вложений.

В связи с расширением масштаба работ по охране и оздоровлению окружающей среды в градостроительстве следует пересмотреть и нормативные показатели расхода ресурсов на обеспечение комплексной застройки жилых районов, а также структуру затрат по отдельным элементам с тем, чтобы в этих показателях, используемых для планово-проектных расчетов, отразить возросшую потребность в капитальных вложениях экологического назначения.

Определением состава специальных мероприятий по защите окружающей среды завершается цикл экологических разработок в градостроительном проектировании. Он отличается от существующих упрощенных моделей принятия решений целенаправленностью, ориентацией на четко обозначенный экологический результат с учетом ресурсных возможностей.

Осуществление предлагаемой итеративной процедуры связано с многократной количественной оценкой окружающей среды, которая производится на основе расчетных методов прогнозирования. Для одних компонентов окружающей среды эти методы давно существуют, а сейчас совершенствуются, для других сделаны первые укрупненные методики, достаточные, впрочем, для целей градостроительного проектирования.

Градостроительное проектирование в нынешнем виде представляет собой систему стадий, процедур и применяемых в них методик. Возросшая сложность и вместе с тем значимость экологических проблем определяет необходимость развития сложившейся системы, ее преобразования. Однако вносимые изменения не должны привести к повышению качества окружающей среды в ущерб другим важным проблемам — транспортного обслуживания, архитектурно-художественного облика и т. д.

Речь идет о системном развитии технологии проектирования, в которой каждая отдельная линия и все вместе направлены на решение общей главной задачи — определение целей развития градостроительного объекта как социально-экологической и функционально-пространственной целостности и выбор эффективных путей и средств достижения поставленных целей.

Архитектор В. КИМ

В поисках национального своеобразия. На примере архитектурной практики Узбекистана

Последнее десятилетие выявило настоятельную необходимость повышения эстетических качеств архитектуры. Появилась острая потребность в архитектуре более выразительной, о необходимости реализации которой говорил, в частности, товарищ Л. И. Брежнев на XXVI съезде КПСС. Успешному решению этой задачи во многом может способствовать обращение к многообразию и национальной самобытности зодчества народов СССР.

Национальное своеобразие — мощное средство повышения выразительности архитектуры. Оно дает возможность выразить «лицо» архитектуры той или иной республики, отразить ее культуру. В лучших примерах многонационального советского зодчества последнего десятилетия видно отчетливое стремление авторов прямо отнести произведение к определенной национальной культуре.

В общих творческих исканиях советского зодчества в последнем десятилетии усилились и поиски национального своеобразия в архитектуре союзных республик. Активную форму приняли они, в частности, в Узбекистане. Архитектура в республике расцвела сегодня для многих веяний, многих тенденций поиска, требующих профессионального осмысления.

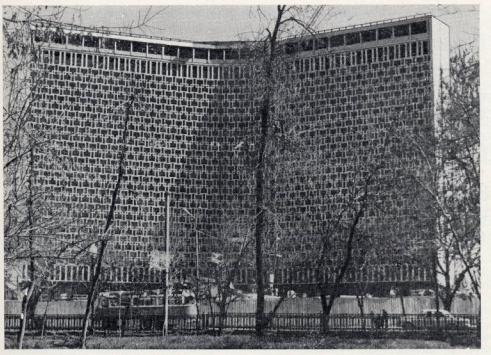
В 70-е годы в республике появилось немало произведений, которые можно считать самобытными. В их числе в Ташкенте филиал Центрального музея В. И. Ленина, гостиница «Узбекистан», выставочный павильон Союза художников УзССР и др. Сложился ансамбль площади В. И. Ленина, авторы которого удостоены Государственной премии СССР. Выразителен облик Дворца культуры в Навои, зданий обкомов партии в Намангане и Самарканде. Нельзя не вспомнить и ташкентский Дворец искусств с пристроенным к нему в 1976 г. малым залом и здание Совета Министров республики, архитектура которых отражает лучшие традиции советского и национального зодчества. Ценность этих построек в их собственно архитектурных качествах, в новаторском осмыслении индустриальных возможностей формообразования, выводящих творческую инициативу из рамок типологического мышления.

Поиски национально-самобытной архитектуры связан с развитием межнациональных взаимоотношений и формированием принципиально новой исторической общности людей в нашей стране — советского народа. Общность социальной основы и идейных принципов стимулирует интернациональные тенденции в архитектуре. Но реализация интернациональных тенденций во многом зависит от культурной ситуации, опосредуется национальной культурой. Сложение единой советской архитектуры происходит не путем исключения национальной специфики, а на основе диалектического взаимодействия общего и особенного. Это положение, прямо вытекающее из ленинской программы Коммунистической партии в области национальных отношений, должно быть основополагающим в работе советских зодчих. Оно требует гармоничного сочетания интернациональных и национальных черт, развития и укрепления новых, выдвигаемых жизнью форм взаимодействия между ними.

До недавнего времени поиск национального своеобразия в архитектуре республики ограничивался утилитарно-конструктивными возможностями формообразования, оказывавшими решающее влияние на ее эстетику. И все же такой эстетики, исходящей только из материальных факторов, сегодня недостаточно. Ограниченность утилитарно-техницистской трактовки образных проблем становится все более очевидной на этапе зрелой социалистической культуры. Могущая обладать определенными эстетическими качествами, но не увязанная с национальной культурой, такая «усредненная архитектура» не поднимается до уровня подлинного искусства. Не только утилитарные аспекты, но и духовное содержание произведения, способное отразить культуру нации, представления народа о красоте, являются сегодня целью поиска в архитектуре республики.

Характерный пример. Недавно в Ташкенте завершено строительство Дворца дружбы народов СССР имени В. И. Ленина (архитекторы Е. Розанов, В. Шестопалов, Е. Суханова и др.). Здание закрывается солнцезащитной решеткой — «панджарой», которая в сочетании с объемными и плоскостными сталактитами формирует образ. В этом произведении четко проявилась во многом противоречащая существующим профессиональным представлениям о границах поиска национального своеобразия тенденция использовать выразительные возможности «накладного» фасада, не отражающего функционально-конструктивную основу здания.

Долгое время в нашей архитектуре были приняты концепции упрощенного понимания красоты, механического отождествления утилитарной пользы и образной выразительности сооружения. Вспомним практику 60-х годов. Архитекторы в то время были поглощены поисками красоты, отождественной с так называемой простотой архитектурной формы. Для достижения этой неопределенной красоты обращались обычно к отвлеченному пропорционированию, не замечая, что красота формы открывается от ее содержания — не профессионального, а общекультурного в целом.

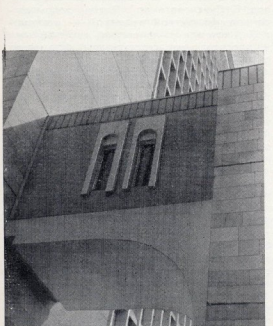


Ташкент. Гостиница «Узбекистан». Архитекторы И. Мерпорт, Л. Ершова, инженер Л. Горлицкий. 1974 г.

Такая «бессодержательная» красота лишена человеческого тепла. И тем не менее именно в ней видели многие профессионалы путь решения эстетических задач архитектуры. Такая концепция механического отождествления понятий пользы и красоты исключала попытки использовать выразительные средства, противоречащие функционально-конструктивной логике формообразования. Все это сказалось и на отношении к наследию, ограничивая и без того скудный набор средств выразительности.

Положение изменилось на рубеже 1970-х годов, в том числе отношение к наследию. Если в 1960-е годы интерес к наследию определялся преимущественным вниманием к его утилитарно-техническим аспектам, то в 1970-е интерес переносится на эстетические особенности. Если в предыдущий период поисков национального своеобразия и освоения наследия процесс формообразования подчинялся абстрактным требованиям «стилевого единства», характерным для «современной» архитектуры, то затем происходит резкий поворот в сторону все большего разветвления стилевых особенностей различных произведений, связанных с переосмыслением наследия. Меняется, наконец, характер отношения архитектора к действительности: на первый план выходят проблемы связи архитектуры не только с техническими сторонами современности, но и со всем комплексом культуры, человеческими ожиданиями и традициями.

Ташкент. Редакционный корпус. Архитектор Р. Блезз. 1974 г. Общий вид и фрагмент переходной галереи



Расширился арсенал используемых средств выразительности, прежде всего традиционных. Прежний аскетизм уступил место ничем не сдерживаемому многообразию в архитектуре. Формы прошлого и орнаментика, «национальный» цвет и композиционные приемы, откровенная экзотика и строгий «утилитаризм» — все это стало использоваться в современной архитектуре. Логика художественного процесса не проглядывалась сразу в казавшемся неоправданным желании «нарядить в национальные одежды» суховатую четкость выверенных расчетом форм, зрительно превратив их в нечто противоположное, но тем не менее привлекательное какой-то новой красотой. Достаточно вспомнить жилые дома первой очереди строительства на улице Б. Хмельницкого в Ташкенте, кафе «Голубые купола», жилые дома в Самарканде, здание аэровокзала там же, ряд объектов досуга — чайхан и др.

Некоторое время подобная ситуация казалась рецидивом прошлого, возвратом к тенденциям, осужденным в свое время как «украшательские». Однако при всей противоречивости и внешней «агрессивности» такой подход послужил толчком к большей свободе и раскованности в работе над формой. Этот этап «прощупывания» поисковых возможностей пробил первую брешь в абстрактном стереотипе так называемой «современной формы». Из сложного процесса перетрансформации взглядов рождалось новое отношение к пониманию формы и вообще национального в архитектуре.

Наблюдая работы зодчих Узбекистана, выполненные в последнем десятилетии, нетрудно заметить, с какой легкостью включается в эти произведения непривычная поэтика образного выражения. Нельзя не видеть и изменения профессиональных принципов творчества зодчих, которые и позволяют воплотить в произведении их понимание особенностей современной культурной жизни нации.

Вот некоторые примеры. В редакционном корпусе (архитектор Р. Блезз) сочетаются тектонически сложные элементы мощной лифтовой шахты с ажурными, почти нематериальными на этом фоне солнцезащитными устройствами основного объема. Казавшийся наиболее приемлемым принцип обыгрывания стилистически выверенных и апробированных приемов брутали стической тенденции, заявленный автором в массивном козырьке входа, вступил в объемах переходных галерей и торцовых блоков в контраст с тонко прорисованными конструктивными деталями и галантами верхнего этажа. Принцип контрастного сопоставления стилистически разнородных элементов и позволил автору добиться выразительности облика сооружения.

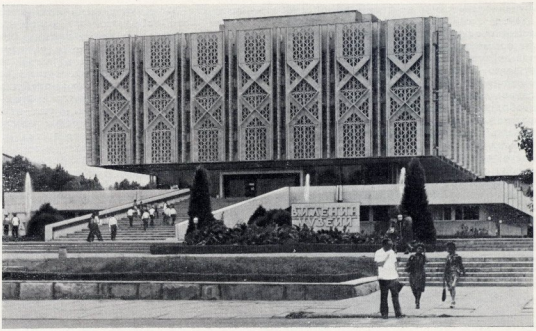
Иначе решено здание Наманганского обкома партии (архитектор Д. Шувaев). Прямоугольный объем трактован в виде «периптера». Эта тема в сегодняшней архитектуре республики достаточно неожиданна. «Периптер», темой которого являются спаренные пилястры, увенчан мощным антаблементом — выступающим за пределы фасада четвертым этажом. Для облика здания характерна некоторая рассудочность, которая перебивается, однако, брутальной трактовкой конструктивных элементов атриума.

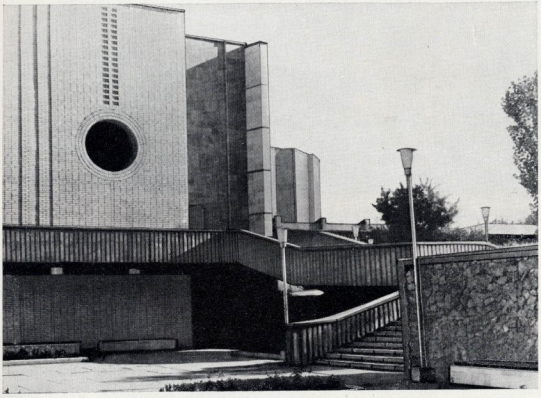
К проявлениям подобных поисков можно отнести и такие произведения, как здания Госплана республики и Дом молодежи в Ташкенте (архитектор Р. Блезз), уже упоминавшийся Дворец искусств и ряд других построек. Пластические возможности формообразования проявились и в проекте Республиканской библиотеки им. А. Навои (архитектор С. Сутягин). Такой подход позволяет добиться выразительности облика зданий, сохранив «правдивость» и не используя декоративные средства традиционного национального зодчества.

С позиций существующих сегодня представлений о национальном своеобразии, согласно которым требуется «созвучие» с архитектурой прошлого, особенности такого рода не вписываются в рамки «национальных». Но отказавшись от прямого под-

чинения принципов построения формы эстетическим закономерностям национального зодчества прошлого, авторы ищут новые возможности формирования национального облика современной архитектуры республики, вырабатывают ее специфический язык. Поэтому, как представляется, национальное своеобразие таких произведений не может и не должно определяться степенью их ассоциирования с традиционными среднеазиатскими аналогами. Оно, по-видимому, может быть осознано лишь постепенно, в ходе развития культурной жизни нации и наших представлений.

Но, с другой стороны, новизна языка выразительности в архитектуре рассмотренного направления, несмотря на богатство его пластических характеристик, не всегда увязывается в общественном и профессиональном сознании с культурой Узбекистана. По-видимому, формирование нового языка национальной архитектуры должно включать в себя на начальном этапе развития понятные широким массам значения, связанные с историей и выраженные в формах, в глубинных ассоциациях, возникающих при восприятии этих форм. Сегодня же в некоторых произведениях этого «пластического» направления нередко используются «лобовые» средства — орнаментальный декор и др. Например, в таких строениях, как цирк в Ташкенте (архитекторы Г. Александрович, Г. Масягин) и ресторан «Зеравшан» (архитектор В. Спивак), построенных также на выявлении пластики конструкций, в интерьеры введены «опознавательные» средства — ганчевый декор и др.



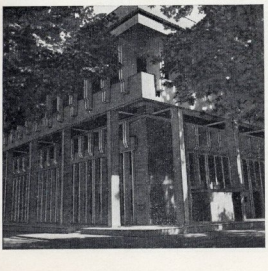


Ташкент. Филиал Центрального музея В. И. Ленина. Архитекторы Е. Розанов, В. Шестопалов, Ю. Болдычев, инженер В. Кричевский. 1970 г.

Широкое распространение получили и поиски выразительности путем использования солнцезащитных устройств. Эта тенденция, нашедшая свое завершенное выражение в архитектуре Дворца дружбы народов, для республики не нова. Достаточно вспомнить упомянутые уже филиал Центрального музея В. И. Ленина и гостиницу «Узбекистан», Дом знаний в Ташкенте и здание Потребкооперации, где самобытный облик формируется преимущественно солнцезащитными устройствами.

Использование солнцезащитных устройств в Узбекистане связывается обычно с национальной традицией. Однако необходимо заметить, что эти устройства в виде покрывающей весь фасад решетки не только не имеют аналогов в традиционном среднеазиатском зодчестве (где просто использовались глухие стены с узкими оконными проемами), но и парадоксальны по смыслу: делается сплошное остекление, чтобы его закрыть. Привлекает же в солнцезащитных устройствах другое — возможность оперирования смысловыми значениями формы вне их зависимости от требований несущих конструкций.

Отход от стремления выразить образное содержание только средствами несущей конструкции, от попыток точно отобразить



Ташкент. Дворец искусств, малый зал. Фрагмент. Архитектор С. Сутягин. 1976 г.

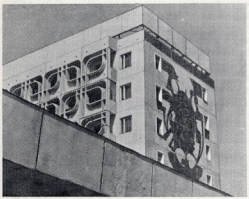
Наманган. Здание обкома КП Узбекистана. Архитектор Д. Шуваев. 1976 г. Фрагмент

функциональную и конструктивную основу здания и все большая свобода использования средств выразительности дают в руки архитектора новые возможности. Одевая нейтральные формы здания в орнаментальную решетку, тектоника которой подчиняется своим законам и художественному замыслу, архитекторы добиваются свободного оперирования средствами выразительности. Это дает возможность уделять больше внимания собственно эстетическим задачам архитектуры — прорисовке деталей, выбору их рисунка, отражению в элементах формы национальной специфики.

Поиск национального своеобразия в рамках использования выразительных возможностей «накладного» фасада выводит на первый план чисто визуальные качества используемых средств. При таком подходе поиск национального своеобразия ограничивается лишь эстетическими закономерностями формообразования, фактически игнорируя другие, не менее важные факторы. Несмотря на значение и важность самих по себе эстетических аспектов, такая линия поисков может привести, в конечном счете, к утрате взаимодействия утилитарно необходимых конструкций и выразительных средств, что не будет соответствовать существующим профессиональным представлениям о «правдивости».

Но может ли правда архитектуры определяться зауженно трактуемой профессионалами «правдивостью», требующей обязательного выражения в образе, форме только утилитарно необходимой конструкции? И соответствует ли такая «правдивость» миру человеческих чувств?

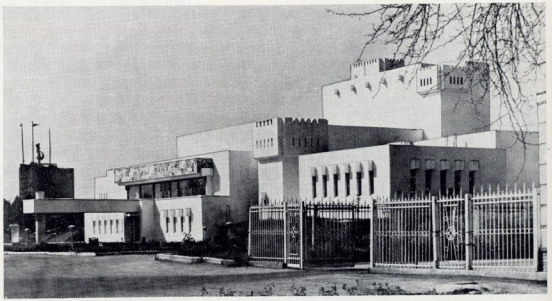
Концепция «правдивой формы», уходящая истоками в 1960-е годы (а если говорить о первоисточниках, то в 1920-е и даже в конце XIX в.), вытекавшая из зауженной профессиональной трактовки индустриального метода строительства, привела, в конечном счете, к легко узнаваемым, однозначным формам, понятным профессионалам, но мало что говорившим рядовому человеку. Эти формы повторяли одну и ту же геометрию, оторванную от большинства «человеческих» метафор, за исключением машинных, были «очищены» от общепринятых значений, понятных самым различным группам людей. В среде, создаваемой при такой ситуации, каждое здание выступало скорее свидетельством профессиональной последовательности архитектора в достижении той же «правдивости», нежели результатом учета жизненных требований, особенностей национальной культуры. Естественно, это привело к отсутствию в формах всякой визуально-психологической коммуникации, к «нулевой



Ташкент. Жилой дом на улице Б. Хмельницкого. Архитектор А. Косинский

Ташкент. Жилой дом в микрорайоне Ц-27. Архитекторы Г. Коробцев, В. Трошин, И. Ли. 1977 г. Фрагмент

Самарканд. Жилой дом. Фрагмент



Ташкент. Республиканский театр кукол. Архитектор В. Кузлянов, инженер С. Петров. 1979 г.

Ташкент. Национальные бани «Хаммом». Архитекторы А. Косинский, Г. Григорянц. 1978 г.

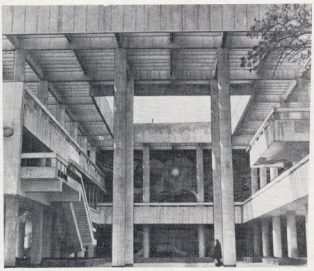
степени» исторических ассоциаций.

Эта концепция «правдивой» формы исходила из того, что процесс формообразования исчерпывается теми данными, которые заложены в современных конструктивных системах. Образ архитектуры должен был формироваться в пределах возможностей той же конструктивной системы, эстетика которой подменяла собой подлинно художественное содержание архитектуры. Отвечая требованиям утилитарно-конструктивной оправданности, такая эстетика вовсе не была правдивой с позиций «человеческого» фактора формообразования. Но форма должна быть оправдана не только утилитарно-технически. Она должна быть близка и понятна человеку, и только в этом случае может быть по-настоящему правдивой. Этого и добиваются архитекторы, используя «неправдивые», «накладные» системы, связывающие визуально новые сооружения с национальной культурой.

Разумеется, при таком подходе возможен и «перебор». Проявился он, в частности, в архитектуре Республиканского управления лесного хозяйства (архитектор Р. Хайрутдинов), где использованы и сталактиты, и решетки, эклектичные по своей прорисовке. При использовании такого рода средств выразительности требуется особый такт, и только в руках мастера они способны по-настоящему обогатить архитектуру.

Перебор используемых средств выразительности характерен и для другого — своеобразного «романтического» направления поисков. Развивавшееся в условиях массового перехода советской архитектуры от принципов так называемого «сурового стиля» 1960-х годов, это направление приобрело в Узбекистане специфические черты — прямой перенос традиционных форм, активное использование орнаментального декора, цвета. Впервые проявилось это в кафе «Голубые купола» (архитектор В. Муратов), где легкие, пластичные по своей прорисовке несущие конструкции увенчаны каноническими куполами. Другой линией поисков внутри этого направления остается использование элементов декоративно-прикладного искусства, сочетающихся с вариациями на отвлеченные темы «Востока» в самой архитектуре. В частности, в Торговом центре Навои (архитектор А. Образцов и др.) в обилии использованы декоративные скульптуры национального эпоса, фасады превращены в «крепостные стены» с узкими проемами-«бойницами», над внутренним двориком висит украшенный орнаментом барабан и т. д.

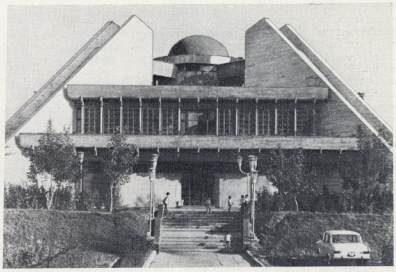
Яркое выражение особенности этой «романтической» архитектуры нашли в наци-



▲

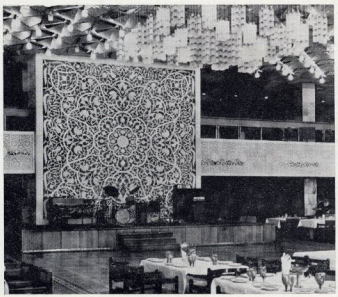
Ташкент. Ресторан «Зеравшан». Архитектор В. Спивак. 1977 г. Общий вид и интерьер

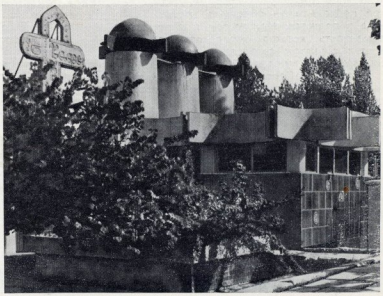
▼



Ташкент. Мемориальная чайхана «Самарканд». Архитектор С. Сутягин. 1976 г.

Ташкент. Кафе «Голубые купола». Архитектор В. Муратов. 1970 г.





ональных банях «Хаммом» (архитекторы А. Косинский, Г. Григорянц). Традиционны здесь только купола, однако переработанные авторами, но активное использование цвета, орнаментального декора и традиционной керамики полностью подчинило себе пространственно-композиционную и образную структуру здания. Бани своим театрализованным обликом контрастируют с урбанизированной застройкой площади Чор-Су. По-своему романтичный облик характерен и для станции метро «Площадь В. И. Ленина» (архитекторы С. Адылов, Л. Адамов, А. Адылова), где нарядные «национальные» колонны со сталактитовыми капителями и ажурные люстры создают атмосферу особой праздничности. То же можно сказать об упоминавшемся Выставочном павильоне, облик которого формируется идущей по всему периметру аркадой, украшенной резным орнаментом.

Национальное своеобразие таких сооружений очевидно и по-видимому уместно в контексте возрастания национального самосознания, вызванного бурным развитием социалистической культуры республики в 1970-е годы. И все же именно в этой очевидности скрывается не менее очевидная недостаточность такого рода средств выразительности. Созвучие такой архитектуры с особенностями национального зодчества прошлого (будучи в принципе правомерным) не может, конечно, служить окончательным критерием ее «национальности». Не следует забывать, что современная жизнь нации — социалистической нации — принципиально выше того позитивного уровня, что может дать национальное прошлое. Включая прогрессивное наследие, современность должна включать в свое развитие — и средствами архитектуры, и новые, находящиеся еще в движении, стороны национальной культуры, требующие неадекватных прошлому форм выражения.

Кстати, с этих позиций требует уточнения концепция освоения «глубинных закономерностей» традиционного национального зодчества, распространившаяся среди некоторых архитекторов. Что собственно понимать под «глубинными закономерностями»? Если иметь в виду понимание архитектуры как сложного социального и культурно-исторического явления, то в первую очередь, согласно этой концепции, необходимо изучать исторический уклад жизни, особенности которого и отразились в архитектуре прошлого, в ее объемно-пространственных, конструктивных и эстетических особенностях. При попытке учета этих «глубинных закономерностей» архитектор неизбежно обращается к тем же традиционным объемно-пространственным и другим особенностям, к давно отмеченной социально-исторической специфике, игнорируя требования современности. Такой подход также обращает процесс поиска в прошлое. Между тем именно современность должна определять процесс поиска с учетом сегодняшних требований социальной и культурной жизни человека.

В зодчестве республики все чаще обнаруживается стремление архитекторов синтезировать в одном объекте широкое и неоднозначное понимание образной структуры — и это еще одно направление поисков. Речь идет о тех произведениях, где выразительность достигается не подчинением процесса формообразования только эстетическим закономерностям национального зодчества прошлого и только путем поиска лишенной реминисценции пластики, а на основе их своеобразного «синтеза». Сказанное относится к таким сооружениям, как мемориальная чайхана «Самарканд», где в современной композиции использован традиционный купол, здание Бухарского обкома КП Узбекистана, на 14 этаже которого находится айван, поддерживаемый «национальными» колоннами и др. Представляет интерес и Республиканский театр кукол (архитектор В. Кузьминов) — своего рода «широкая цитата» из прошлого, но лишенная прямого с ним созвучия. Такой «синтез» признается некоторыми архитекторами оправданным[1]. Выразительное объемно-пространственное и пластическое решение сооружения в целом оправдывает, согласно этому подходу, введение в контекст современных форм любого традиционного элемента — будь то купол, арка или орнамент. Однако общая ориентация процесса поиска остается обращенной в то же прошлое. Такого рода «синтетический» подход, по-видимому, правомерный на начальном этапе поисков, требует уточнения. В частности, трудно признать правомерным ориентацию на обязательное «созвучие» с архитектурой прошлого, для достижения которого и вводятся традиционные формы.

Сегодня в советской архитектуре кристаллизуется постановка «проблемы человека», проблемы путей и целей нашей архитектуры. В этих условиях осознание идейно-художественного контекста поисков особенно важно — как для широкой общественности, так и для профессионалов. При всей необычности и резкости дискуссионности существующих в республике тенденций национального своеобразия именно за ними стоит или может стоять будущее архитектуры Узбекистана. Поэтому представляется необходимым, прежде всего, освободиться от представлений, будто некоторые направления поисков развиваются «не туда». В каждом из них есть свои «за» и «против». Однако ложные суждения по линии «хорошо — плохо» во многом «вкусового» порядка и никак не будут соответствовать действительности во всей ее многогранности. Например, жилые дома на улице Б. Хмельницкого оцениваются со знаком «минус» в силу того, что ограждения лоджий имеют арочные очертания (хотя их устройство, также как и устройство эркеров, террас и воздухозаборников, вызвано требованиями климата). В то же время арочная галлерея Выставочного павильона — рассмотренного нами выше объекта — оценивается положительно, хотя она по существу выполняет чисто декоративные функции. То же можно сказать и об оценках ряда других построек, неоднозначность которых выявляет недостаточность наших представлений.

Несовершенство профессиональных представлений становится все более очевидным по мере развития практики. Практика, давно «перешагнув» через некоторые представления (в частности, представления о «правдивости», о границах использования средств выразительности и т. д.), формирует нечто совершенно иное. Результаты этих метаморфоз может быть не всегда убедительны с позиций существующих представлений о «высокой архитектуре», но именно они требуют дополнения наших представлений о национальном в современной архитектуре, равно как и уточнения некоторых принципов формообразования.

Сегодня в качестве признаков национальной узнаваемости в архитектуре принято понимать «созвучие» (формально-эстетическое, функционально-планировочное и др.) с архитектурой прошлого. Самобытность современной национальной архитектуры объясняется степенью ее сравнимости с традиционным зодчеством и только. Между тем любое зодчество не может развиваться вне влияния на него современного контекста — всей совокупности факторов, не только архитектурных, но социально-исторических и культурных в целом. Можно ли архитектуру, возникшую сегодня на национальной почве, считать национально самобытной, несмотря на то, что в ней нет явных признаков национальной узнаваемости? Согласно существующим представлениям — нет. Однако такая архитектура — прямое порождение и неотъемлемая часть современной жизни нации, также как и та, в которой такие признаки есть.

Сегодня такие представления явно недостаточны. Первостепенное значение приобретает сегодня поиск национального своеобразия не с позиций принципа «созвучия», не в сопоставлении «архитектуры» с «архитектурой» (тогда мы постоянно будем обращаться за критериями «национальности» только в прошлое), но с учетом требований современности. Архитектура может иметь созвучие или не иметь его. Но не это представляется главным. Главное — ее способность отражать сегодняшний уклад жизни и культуру нации, которые и повлияли решающим образом на формирование особенностей того или иного здания.

Современность должна определять и отношение к наследию. Мы привыкли определять прогрессивность той или иной традиции степенью ее прогрессивности в истории. Между тем многие, некоторые бывшие некогда прогрессивными, планировочные и конструктивные приемы (устройство ветроулавливающих шахт, айванов и пр.) практически не могут быть использованы в современной архитектуре в силу несоответствия требованиям индустриального домостроения, гигиены и т. д. И наоборот, считавшиеся «непрогрессивными» формально-эстетические особенности национального зодчества прошлого находят все большее распространение в практике республики.

Зодчество Узбекистана развивается сегодня в широком диапазоне поисков национального своеобразия. Каждое направление поисков отражает характерные стороны этого процесса. Вместе с тем каждое отдельно взятое направление развития процесса поисков с позиций сегодняшних требований выявляет свою ограниченность. Это требует от архитекторов активного формирования новых творческих принципов, поиска новых форм с учетом опыта предыдущего этапа, способных ответчать запросам культуры сегодняшнего дня — отвечать реально и адекватно. Только в этом случае самобытность зодчества не превратится в абстрактный набор форм, приемов и принципов. Важно, чтобы результаты поиска наиболее полно отвечали требованиям современной жизни нации и, более того, были направлены в будущее.

---

[1] См. в частности: Основные тенденции современной советской архитектуры. Материалы заседаний Теоретического клуба СА СССР, М., 1981.